

© 2001 г., ЭО, № 1

К. Л. Б а н н и к о в

АНТРОПОЛОГИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ГРУПП. ДОМИНАНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ АРМИИ*

В начале 1990-х на страницах «Этнографического обозрения» проходила одна из наиболее ярких дискуссий в отечественной этнологии, инициированная работами Л.С. Клейна (Льва Самойлова) о трансформации культуры в социальных статусных системах, которая получила в его трудах определение «этнография лагеря»¹. Эта дискуссия затихла из-за недостатка новых материалов, подтверждающих, уточняющих или пересматривающих общие методологические положения, высказанные ее участниками, не получив какого-либо концептуального выражения. Важнейшей заслугой Клейна и всех остальных участников было представление феномена лагерной субкультуры в качестве предмета науки о наиболее общих, универсальных законах природы человека и общества – социальной и культурной антропологии. Характерно, что Клейн вышел на эту проблему, исходя из методов полевой этнографии, благодаря которым он мужественно отнесся к драме собственного заключения.

Когда Клейн в конце 1980-х писал и готовил к публикации материалы по «этнографии лагеря», автор настоящей статьи служил в армии и, еще не подозревая о существовании такой науки, как этнография, занимался примерно тем же самым, что и Клейн в лагере, т.е. наблюдал и записывал. Но не столько для того чтобы спустя 12 лет написать эту статью, сколько желая посредством наблюдения дистанцироваться от реальности организованного насилия, в которую он был погружен: позиция наблюдателя – это всегда дистанция.

Все факты, связанные с системным насилием в социокультурных структурах, требуют всестороннего рассмотрения. В случае с армией они лежат на поверхности, однако не представлены в научной литературе. Реалии внутренней организации армии, составляющие естественный фон и этап жизни для военнослужащих, остаются малоизвестными для общества. С точки зрения служивших в армии, писать о подворотничках и дембельских альбомах тривиально, потому что это нечто само собой разумеющееся. Для людей, далеких от внутренних отношений в армейских подразделениях, данные реалии существуют за пределами их понимания. Кое-кто, правда, выводит сущность ненормативных явлений из области нормативного мышления. Поэтому проблема неуставных отношений на психологическом уровне решается путем постулирования их аномальности как формы извращений. Эта позиция весьма удобна для тех, кто отвечает за сегодняшнее состояние армии.

Действительно, нельзя же нести ответственность за аномалии. Однако даже поверхностный взгляд заставляет сделать вывод о генетической связи «дедовщины» с

* Исследование проведено при финансовой поддержке, предоставленной в рамках конкурса индивидуальных исследовательских проектов Программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (грант № 99-57242).

нефункциональным уставом. Почему нефункциональным? Потому что официальная принудительная система прохождения воинской службы, лишая человека свободы во всех ее проявлениях, не располагает никакими эффективными стимулами. Этот пробел логической незавершенности уставного принуждения заполняется неограниченной в средствах воздействия на личность системой насилия — дедовщиной, посредством которой достигаются и выполнение экстраординарных задач, и поддержание рутинного порядка.

Апологеты устава считают все отклонения от его идеальных норм социальным хаосом. Однако неуставные, а точнее внеуставные, отношения имеют свои жесткие правила и логику. Более того, они имеют аналогии в истории традиционных культур, имеющие глубокие корни, а потому армейские реалии должны стать предметом всестороннего анализа, позволяющего раскрывать явления армейской жизни на основе законов человеческой природы и общества, т. е. стать предметом социальной антропологии.

Насилие в современной российской армии — не только механический консолидирующий фактор, но и генетическое средство самоорганизации. Осмысленное в социальной парадигме насилие представляет собой каркас системы ценностей в армии, а в апологии образа жизни превращается в идеологию. Идеология насилия предопределяет экстремальность сознания подобных социальных образований, в силу чего я предлагаю для их определения понятие *экстремальные группы*².

Клейн, выдвинув проблему антропологии агрессии, выходящую на аспекты социо- и культурогенеза, остался в рамках традиционной этнографии. Последняя предоставляет богатый фактический материал, но не охватывает в полном объеме его феноменологию. Проблема этнических отношений, как и любая другая, обостряется в армии. Кроме дедовщины там существует так называемое землячество, для которого характерно распределение статусных привилегий по принципу этнической принадлежности. Но это тема отдельного исследования, и здесь мы ее касаться не будем, сосредоточив внимание на функции организованного насилия, генезисе социально-статусных систем, знаковой проекции доминантных отношений и формировании на их основе своеобразной художественной и фольклорной традиции. Таким образом, рассматриваемая в данной статье проблема выходит на уровень универсальных закономерностей человеческой природы, а семиотика доминантных отношений в полном спектре — от издевательств до статусного творчества — позволяет проследить динамику социо- и культурогенеза в условиях, близких к лабораторным.

Специфика научного изучения агрессии и насилия в современной России определяется структурной трансформацией всех общественно-политических систем, в ходе которой и агрессия, и насилие, охватывая все уровни общественной жизни, развиваются гораздо быстрее, чем знание о них. Дискуссия, вызванная работой Клейна на страницах «Этнографического обозрения», представляла собой истоки этого нового направления в отечественной антропологии. Хотя следует признать, что в отечественной антропологии тема агрессии, девиантного поведения и статусного насилия практически не изучена, несмотря на свою большую актуальность в условиях России. В то же время в западной науке исследования по этой теме давно ведутся в рамках самостоятельного научного направления, объединяющего методы и концепции ряда научных дисциплин — психологии, социологии, этнологии и др. Там существует много работ, в том числе посвященных советским и постсоветским социальным образованиям, в которых агрессия оказывается основным структурообразующим, нормативным и в конечном итоге культурогенным фактором. Есть работы, специально посвященные социальным структурам заключенных, полицейской психологии, армии. В их ряду следует назвать исследования неформальных социальных организаций среди заключенных³, маргиналов⁴, полицейских⁵, теоретические исследования девиантного и протестного поведения⁶. В этих работах можно выделить круг вопросов, важных для антропологического рассмотрения проблемы экстремальных групп как антропологического феномена: 1) проблема личности, использующей агрессию как механизм

социального взаимодействия; 2) граница, за которой личность попадает в зависимость от собственной социальной роли (т.е. определение условий редукции сущности личности до ее социальной роли и ей предписанных функций); 3) степень трансформации систем ценностей личности при переходе от одной социокультурной модели к другой.

Удивительны многоплановость установок и мотиваций поведения, гибкость системы апологии индивида в зависимости от социокультурного контекста его действий. В этом, пожалуй, следует искать ответ на вопросы: как вполне образованный и воспитанный человек может допускать чудовищное насилие над собой и быть его источником; какая система психологических защит и апологии образа жизни складывается в его голове; каким образом и при каких условиях человеку удастся вернуться к общекультурным нормам?

Социальная структура экстремальных групп

Время как социообразующая категория

Люди, собранные на призывных пунктах-распределителях, – это в своей совокупности аморфная масса, социальная протоплазма. С момента сдачи паспортов они прекратили свое существование как граждане, но до принятия присяги не являются еще военнослужащими. Лишенные гражданских прав, они, однако, еще не приняли на себя военные обязанности. Это люди, лишенные социального тела. Масса призывников – весьма аморфная, с социально-правовой точки зрения, категория. И это состояние асоциальности детерминировано комплексом официальных мер, направленных на «размывание» личности и «лишение» лица: призывника стригут наголо, раздевают догола на медкомиссиях, ставят в строй, отбирают запрещенные и/или ненужные, с точки зрения военных контролеров, вещи. Таким образом, на призывных пунктах-распределителях происходит редукция всех средств личностного выражения путем унификации внешности, стиля одежды, набора вещей.

Низведение личностей до социальных нулей, голых и бритоголовых единиц вызывает с их стороны адекватную реакцию: если не удалось избежать призыва, следует воспринимать его как карнавал. Суть этого карнавала заключается в инверсии социальных ролей, ритуальной деструктуризации социума. Десоциализация личностей вызывает у них ответные «карнавальные реакции» со всеми сопутствующими атрибутами. Например, призывники рвут одежду, разрисовывают зубной пастой фуфайки, рисуют авторучкой на бритых головах или выбривают что-нибудь незамысловатое типа ДМБ–19... (год демобилизации) и т.д. В итоге создается положительный эмоциональный фон – на призывных пунктах-распределителях обычно весело и, как и на всяком карнавале, возникают казусные ситуации.

По рассказу бывшего матроса погранвойск Черноморского военного флота Эдуарда Казанцева, он еще на призывном пункте разрезал на ленточки свои брюки и в таком виде прибыл в армию. Его часть старалась жить по уставу. Упреждая обвинения прессы в том, что армия присваивает гражданские вещи новобранцев, им при выдаче военной формы приказали отправить домой собственные вещи, не разрешив ничего выбрасывать. Наш герой был вынужден послать испорченные брюки домой. С его родителями случился шок: когда они получили одежду сына, то решили, что над ним в армии издеваются. Ему стоило большого труда убедить их в том, что он сделал это сам, «для прикола» (Полевые материалы автора. Запись от 1989 г.).

Преобразование стресса в положительные эмоции посредством знака позволяет оценить карнавальную функцию в качестве средства апологии образа жизни и психологической адаптации личности к социально-экстремальным условиям.

Социальная функция карнавала – это инверсия ролей, ритуальная деструктуризация общества, результат которой – разрядка психологической напряженности. Армия, по определению, – социальная инверсия гражданскому обществу, а карнавальные

алгоритмы, предварительно организующие массу призывников, выступают как психологические защиты особого типа. Весь предыдущий опыт, весь запас знаний и культурных ценностей, все гражданские привычки и привязанности, составляющие норму культуры, в этой новой агрессивной среде воспринимаются как бремя, от которого следует на время избавиться. Чем меньше человек знает и значит, тем легче ему подчиняться, т.е. полноценно функционировать в армии, поскольку суть ее – в подчинении. Хороший солдат – это солдат, подчиняющийся на уровне рефлексов.

«Приказ не надо ни объяснять, ни даже формулировать, – пишет Мишель Фуко, – достаточно того, чтобы он вызвал требуемое поведение. Ответственный за дисциплину сообщается с тем, кто ей подчиняется, посредством сигнализации: не надо понимать приказ, надо воспринимать сигнал и немедленно на него реагировать, следуя заранее установленному более или менее искусственному коду»⁷.

Человек, готовящийся к армейской службе, начинает бессознательно «слагать с себя» нормы культуры за недели до ухода по повестке. Это называется «догулять». «Догулять» – значит допить всю водку, долюбить всех женщин и т.д. в полном спектре социальных девиаций – от невинных оргиастических пирушек до уголовных преступлений. В перспективе лишения человека свободы он воспринимает актуальные культурные нормы как среду их полного отсутствия, что характерно для описанного карнавального архетипа, выступающего в качестве механизма адаптации личности к грядущему состоянию строевой единицы.

Призывники, направляющиеся с призывного пункта в часть, переживают состояние социально-личностной дезориентации, которое активизирует их поведение по дороге в армию: пишут на всех стенах ДМБ–19...; идентичность личности, направляющейся выполнять столь почетную гражданскую обязанность, целиком соотносится с моментом окончания ее существования.

Прибыв в воинскую часть, новобранцы расстаются с последними личностно актуальными вещами (как знаками личности владельца) и зачастую с деньгами. Даже средства личной гигиены на первом этапе службы унифицируются. Командиры всех уровней следят, чтобы минимум вещей, составляющих содержание прикроватных тумбочек: зубные щетки, паста, мыло, нитки и пр. – был у всех одинаков. С этой целью армейским начальством культивируется такой институт социального контроля, как смотр тумбочек и карманов, во время которого изымаются все неуставные вещи под предлогом «рано еще». Эти слова проходят рефреном через весь первый период службы. За календарь с отмеченными днями до «дембеля» можно получить наказание. Фактически люди в армии делятся на тех, для кого время существует, – старо-служащих, и тех, для кого оно не существует, так называемых молодых бойцов, которым вести счет времени, равно как обзаводиться личностно-знаковыми вещами, «рано еще». Таким образом, социальной протоплазме рано думать о чертах лица. Для нее времени вообще не существует. Формула «всему свое время» здесь имеет соционормативное значение. Основным выражением правовых отношений в распределении привилегий в армии является сакраментальная формула «положено по сроку службы».

Социальные страты и система отношений прав и обязанностей

Социальная стратификация в экстремальных группах детерминирована правом отсчета времени для тех, кто как бы не существует как социальное тело, и тех, кто социально осуществлен, т.е. имеет сущность.

Социальная структура экстремальных групп выражена оригинальной системой номинаций – понятий, выражающих спектр социальных состояний. В разных воинских частях и в разные годы социальные страты могут именоваться по-разному. Ниже как нечто среднее приводится наиболее распространенная структура в соответствующих наименованиях. В целом термины социальной иерархии выражают в образах тенденцию социального «осуществления». Критерий социальной сущности – соотношение прав и обязанностей.

Духи (также *птурсы, зеленые, салаги, солобоны, слоны, чижи* и др.) – новобранцы, те, кто только призвались и не имеют никаких прав, низшая каста. Их называют духами как нечто социально-эфемерное. Приведенные выше образные понятия передают главную обязанность новобранцев – «летать», т.е. все делать бегом. В статусе духа они пребывают первые шесть месяцев службы.

Молодые (фазаны и др.) – следующая ступень социальной лестницы. Они уже имеют некоторые незначительные права (в основном это право психологического давления на духов) и максимально широкий круг обязанностей. Молодые отвечают за социализацию духов в «правильной» директории. В этом статусе они находятся с шестого по двенадцатый месяц службы. Затем их «переводят» на следующую ступень, в результате чего они становятся элитой.

Черпа (черпаки) – первый привилегированный слой в системе экстремальных групп. Их главная обязанность – контроль за исполнением обязанностей молодыми и духами. Пользуются всей полнотой прав, имеют право вести счет времени, т.е. считать дни до дембеля, и обсуждать связанные с демобилизацией вопросы. Отличаются более активной, исполнительской доминацией.

Деды – полноценные субъекты экстремальных групп. Это военнослужащие «четвертого периода» (от 18 до 24 месяцев), облеченные всеми правами. Их основная обязанность – блюсти себя, поддерживать репутацию элиты, готовиться к дембелю. Это действительно обязанность, поскольку всё в конечном итоге сводится к противостоянию официальному командованию, офицерскому составу. Доминация дедов носит уже не столько исполнительный, сколько законодательный характер. Они выступают своего рода «гарантами» неписаного права, собственно дедовщины, осуществляя контроль за всеми уровнями отношений и их знаково-символическим выражением. Кроме того, они являют собой некий символ социального осуществления, столь желанного для социальной протоплазмы – бесправных духов и молодых.

Дембелями становятся те, на кого распространяется приказ об увольнении в запас. Реальная практика прохождения воинской службы предполагает, что между приказом об увольнении (20 сентября и 20 марта) и самим увольнением может пройти неопределенное время – обычно до окончания текущего призыва (1 января и 1 июля). В основном дата увольнения определяется непосредственным начальником, в особых случаях – командиром части. Можно уволиться в срок – в день призыва, отмеченный в военном билете. Но, как правило, командиры не спешат расставаться с дембелями и находят причины, чтобы их задержать. Распространена практика «дембельских аккордов», когда командир привлекает дембелей на хозяйственные работы, приказывая, допустим, построить новый свинарник и обещая уволить сразу по окончании работы, т.е. вводя, пожалуй, первый и последний действенный стимул за все время службы.

Дембель – лицо особого статуса. Он в своем роде трансцендентный армии субъект, мысленно соотносящий себя с гражданским обществом на полном законном основании. Его обязанности относительно системы экстремальных групп состоят исключительно в сфере символов. Он мог бы пользоваться всеми правами, но блага казарменного мира – это не его блага. Дембель демонстративно выходит из сферы внутренних отношений и подчеркивает этот трансцендентный переход системой символов, выражающих его аутсайдное состояние. Кирпичи пирамиды социальных статусов экстремальных групп, как и любых замкнутых на себя саморазвивающихся систем, – это единицы времени. Фигурально выражаясь, контур забора войсковых частей давит на окружаемую им массу и выдавливает из нее пирамиду, с вершины которой возможно движение только в чистый хронос, т.е. на дембель⁸.

Чмо – так в армии называют париев, людей, опущенных на нижний порог социальной аутсайдности. На них социальная динамика, выраженная статусным переходом, не распространяется. Статус чмо лишает индивида возможности социального самоосуществления. Феномен изгоя возникает неслучайно и там, где группа в нем испытывает потребность. Явление «чмо» в армейском коллективе показательным тем, что с ним социальная структура приобретает двойной стандарт: на специфическую пятичленную

структуру (духи – молодые – черепа – деды – дембеля) накладывается универсальная трехчленная (парии – масса – элита).

Клейн относит трехчленную модель к архетипу структурной конфигурации социума и, как видно, не напрасно. Он наблюдал, как однородная масса опущенных, изолированных в целях пресечения доминантных отношений среди заключенных заново структурируется и воспроизводит прежнюю конфигурацию. Бывшие узники фашистских концлагерей описывают этапы процесса слома человеческой личности в первый год заключения, который начинается с активного противостояния и заканчивается подражанием лагерной охране в манерах поведения и даже в попытках как-то обозначить свой статус, знаково преобразуя лагерную робу из каких-то лоскутов на манер униформы своих надзирателей.

Модель «парии – масса – элита» органично укладывается в пятичленную модель современного армейского социума, поскольку положение солдат «второго периода» (полугодия) качественно не отличается от положения солдат «первого периода»: и те, и другие – объекты доминантных отношений. Черепа, как субъекты доминантных отношений лишь номинально отличаются от дедов. Дембель отличается от всех других своим статусом: это тот, кем хочет стать каждый, элита экстремальных групп. Приведем здесь старый армейский анекдот.

В казарму входит генерал и видит лежащего на заправленной кровати в сапогах военнослужащего срочной службы. Не зная, как реагировать на столь вопиющее нарушение воинской дисциплины, генерал спрашивает:

- Товарищ солдат, вы кто?

- Я – дембель, а ты кто?

- Я? Генерал...

- Тоже неплохо.

О функционировании универсальной трехчленной системы в неуставной иерархии свидетельствует внешний вид солдат – костюмы, манеры их ношения, стрижки. Парии (духи и молодые) ходят в уставной одежде без лишних знаков различия. Манера ношения формы – строго по уставу. Голова должна быть стрижена «под ноль», но не выбрита. Привилегированная масса (черепа, деды) носит трансформированную, согласно неуставному регламенту, уставную форму с положенными и неположенными регалиями: предусмотренные уставом нагрудные знаки и нашивки, которые у черепов и дедов приобретают значение знаков их неуставного статуса, носятся по принципу: «чем больше, тем лучше». На головах – прически, которые делаются в парикмахерской, по возможности в гражданской. Когда до приказа об увольнении в запас остается 100 дней, деды бреют головы. Элита в лице дембелей фактически полностью игнорирует и уставную форму, и знаки неуставной иерархии. В известных мне частях они не стирали одежду, не меняли подворотнички и демонстративно расправляли бляхи ремней и кокарды головных уборов, всем видом подчеркивая собственную отрешенность по отношению как к обязанностям уставщины, так и к привилегиям дедовщины. Субститут тела дембеля – это «дембельская парадка» – предметное олицетворение праздника. Изготавливается она на основе парадной формы или камуфляжа, которые украшаются всевозможными аксельбантами, чеканками, золотыми погонами.

Следует сказать, что в самих подразделениях осознаются актуальность трехчленной модели и номинальность пятичленной. поэтому в некоторых воинских частях номинальные неуставные страты на сегодняшний день волевым решением дедов устранены, хотя солдаты знают, что в других частях они есть. Этим отличаются те войска, которые конкурируют за право быть элитой вооруженных сил, десантники, пограничники, морские пехотинцы и др. Так, первое, что мне сообщил информатор в одном из сибирских погранотрядов, был манифест их обособленности: «Черепов, или как их там, у нас нет. У нас есть духи, деды, дембеля. Всё». Однако в той же части существует более разветвленная номинально-символическая иерархия среди духов. Ее придумали как пародию на реальный статусный переход. Тот же информатор сообщил: «Вообще духи, пока их везут в автобусе в часть, – они еще даже и не духи, а нюхи.

Как форму на них надели, так весь карантин и до присяги – они уже запахи, а как присягу приняли – они целые духи. Первые полгода, пока они всасывают службу, они – духи-стажеры, их "стажируют" духи-стажирующие, ну, те, кто второй период служат. Не я же [мой собеседник там был дедом] буду учить их родину любить» (Полевые материалы автора. Запись от 3 августа 1999 г.).

Если проводить какие-то сопоставления структурированности экстремальных групп по родам войск, то трехчленная система в наиболее четком виде, не отягощенная излишними знаками и символами, сложилась на флоте. На Тихоокеанском флоте к низшему страту относятся *слоны* (до 6-го мес службы) и *караси* (с 6-го по 12-й мес), к среднему – *борзые караси* (с 12-го по 24-й мес), к высшему – *полтарахи* (с 24-го по 30-й мес) и *годки* (с 30-го по 36-й мес). Характерно, что и на флоте при реальной трехчленной структуре номинальной остается пятичленная, как и в армии, хотя продолжительность службы в ВМФ на год дольше.

Магнетизм социального осуществления – та самая сила, которая приводит в движение машину экстремальных групп и дает ответ на вопрос, почему люди допускают доминацию над собой. В условиях отрицательного межличностного взаимодействия, которым отличаются механические формирования, только доминация гарантирует вертикальную социальную мобильность, т.е. переход из объекта в субъекты. В экстремальных группах экстремальное звучание приобретает поставленное с ног на голову «золотое правило» этики: «я обращаюсь с ближним так, как здесь обращались со мной».

Таким образом, трехчленная структура экстремальных групп включает в себя оба порога аутсайдности (нижний – духи и верхний – дембеля), состоящие в отношениях этической и эстетической инверсии в отличие от пары: дух – дед, состоящей в этическом и эстетическом антагонизме.

Рост личности зависит от процесса ее осуществления, т.е. обретения сущности во времени. Это процесс поступательного перехода от исключительно обязанностей к исключительно правам, обеспечивающим статус личности. Человек, вырванный военкоматом из социокультурной среды, в которой сформировалась его личность, погружается в уже сложившуюся систему отношений, основанную на жестоком, но логичном соглашении: он сначала как бы соглашается быть объектом доминантных отношений, т.е. служить «топливом» и объектом для личностного самоутверждения субъектов. Последние в свою очередь обеспечивают ему условия перехода в качество субъекта, т.е. создают человеку условия для последующего личностного осуществления, самоутверждения в общем противостоянии врагу – официальному и обезличивающему уставу, за соблюдение которого отвечает командование. Таким образом, проблема доминантных отношений в экстремальных группах – это генетическая проблема рекрутской армии мирного времени, интегрированной на иных, нежели воюющая армия, принципах и стимулах.

Одним из принципов существования внутренней организации гигантской невоюющей армии в новых стратегических условиях стал абсурд, пронизывающий все сферы жизни этого организма. Это состояние порождает особую форму общественного сознания, связанного с рефлексией абсурдности своего существования, которое в народной терминологии выражается понятием «армейский маразм»: «Да, это глупо и бессмысленно, но так положено, мы этому тебя научим или заставим». В этих условиях и начинает действовать дедовщина как внутренняя самоорганизация воинских подразделений, направленная на противостояние обезличивающе абсурдному качеству армии, разлагающейся от замкнутой на себя энергии. Дедовщина началась, как считают представители старшего поколения тогда, когда из кадрового офицерского состава ушел последний фронтовик, живой носитель идеи армии, действующей в мифологеме борьбы добра и зла.

Проблема самореализации личности и есть основа доминантных отношений в армии. Системы, посредством которых они проявляют себя, охватывают все аспекты жизненной активности экстремальных групп и демонстрируют глубокие аналогии с

базовыми принципами консолидации социумов традиционных и архаических культур. В экстремальных группах поведенческий комплекс выдержан в статусных стереотипах, а все составляющие системы жизнеобеспечения – одежда, питание, пространство, даже физиология – знаково трансформируются.

Поведение

Как вести себя в армии человеку? Это основная проблема личности, входящей в новый коллектив. Еще в приемниках-распределителях призывники стараются вести себя, согласно неким стереотипам лидерства: выглядят максимально раскованными, резко выражаются, размашисто жестикулируют, громко смеются, говорят низким голосом, в целом ведут себя агрессивно. Это защитная реакция психики – так пытаются выглядеть человек, попадающий под пресс обстоятельств, ломающих его личность, которую он всеми силами хочет сохранить. Он сознательно формирует свой имидж, своего рода скорлупу, скрывающую слабые стороны характера. Это называется «себя поставить»: «Как буду жить в войсках?» – «Как себя поставишь...». Или: «Переведите меня в другую часть, товарищ полковник!» – «Зачем? Там такая же дедовщина» – «Я там себя по-другому поставлю».

Действительно, случалось, что в одной части «забитый» человек не мог противостоять окружению только потому, что его всерьез никто не воспринимал. Это противостояние свелось бы к очередному шоу и в любом случае сопротивление было бы подавлено. Но жертва, имеющая за спиной большой опыт объекта насилия, на новом месте утверждает себя в качестве жесткого доминантного лидера. В этом случае человеком двигал страх вновь оказаться жертвой. Существуют и другие примеры, когда призывник в распределителе, по дороге в армию или во время «карантина» утверждает себя в качестве лидера, а затем в подразделении становится одним из главных объектов доминации, поскольку уже не просто самоутверждается, но и посягает на права «элиты». Если он вовремя не сориентируется и не изменит линию поведения, его «ломают» в первую очередь.

Отношения в армейских подразделениях регламентируются неписаным правилом, которое устанавливает определенную линию поведения всего что характеризует механизм естественного формирования этикетных норм. В экстремальных группах представлены два поведенческих комплекса: комплекс субъекта и комплекс объекта доминантных отношений. Первый предполагает активность, развязность, агрессивность и веселость, второй – нейтральность, исполнительность, покорность.

Однако каждый социальный страт имеет в знаковых нормах своего поведения определенный набор вариаций. Поведение духов как социально аморфных индивидов должно быть максимум нейтральным без каких-либо проявлений эмоций. Перед нами безликая, выполняющая набор функций машина, которую для оптимизации процесса следует периодически «взбадривать», «включать зажигание», «придавать ускорение». Хороший тот дух, который безотказно и быстро все делает («не тормозит») и воспринимает свое место как должное («не высовывается»). Духам приличествуют скромность, исполнительность и молчаливость. Все отклонения от предписаний устава пресекаются словами «не положено по сроку службы». Духи могут быть неопрятны в одежде и невоздержанны в пище. Их за это «гоняют», но это им простительно.

Поведенческий комплекс в первый период службы – залог высокого (адекватного) положения в своей группе на втором этапе. Черпа и деды ставят положительных духов в пример отрицательным, делают их своими фаворитами.

Молодые – это те, чей будущий статус в элите, а иногда и официальная должность уже предопределены. Они отвечают за поведение духов. «Продвинутые» и активные молодые приглашаются к разговорам, служат буфером между элитой и массами, обеспечивая социализацию в экстремальных группах. На последних месяцах второго периода службы молодые выступают активными апологетами дедовщины, так как стимул «быть переведенным» в черпаки – главная цель их армейской жизни.

Аккуратность – один из ключевых моментов, от которого серьезно зависит репутация молодого. То, что прощается духу (допустим, неопрятность в одежде), молодым может серьезно повредить.

Поведенческий комплекс черепов, т.е. тех, кто только что стал полноправным членом общества, отличается повышенной агрессивностью. Они хорошо помнят свое прежнее состояние постоянного унижения и требуют компенсации. Логика их рассуждений в целом такова: чем сильнее мы будем «гонять духов», тем скорее изживем собственное унижение. Поэтому каждый черпак очень точно воспроизводит ту доминантную модель, объектом которой он вчера еще был. Их экспансия объясняется следующими аргументами: «Мы в свое время...», «и нас в свое время...». Черпакам приличествуют резвость, агрессия и личная аккуратность.

Дед должен быть ленивым и толстым, передвигаться медленно, волочить ноги, демонстрировать утомленность службой и жизнью, препираться с начальством. Он отличается безукоризненной опрятностью и исключительной разборчивостью в питании.

Дембель в силу своей «трансцендентности» эстетически и этически изоморфен духу. Существует изречение: «Дембель должен быть чмошным». Естественно, «чмошность» имеет знаковое качество, направленное на обозначение его «потусторонности». Дембель редко и по необходимости бреется, практически не стирает одежду, не чистит бляху ремня, не подшивает подворотнички, т.е. знаково демонстрирует свою социальную смерть.

Состояние социальной аутсайдности переживается как состояние инобытия (инверсии бытия) и имеет соответствующее знаковое выражение: статусу аутсайдности как антисостоянию предписываются своего рода антиповедение и антивыражение, имеющие параллели с архаическими аналогиями⁹.

Получение документов на увольнение – это возрождение в новом качестве отслужившего (прошедшего инициацию) гражданина. В этот день дембеля снимают свои лохмотья и облачаются в «дембельскую парадку». Очень часто они этот наряд сразу же снимают и покидают воинскую часть в гражданской одежде ввиду опасности быть посаженными на гауптвахту «за нарушение формы одежды» случайным патрулем или особо «доброжелательными» офицерами. «Парадку» дембеля надевают уже в поезде или родном городе. Главное – явиться домой в погонах и аксельбантах, что служит финалом статусной эстетики.

Знаки и символы иерархии

Все проявления жизнедеятельности в армейских подразделениях направлены на воспроизводство армейской иерархии. И в этом социоструктурирующем значении жизнеобеспечивающие системы реализуют себя (проявляют свою сущность) как знаковые модели. Иными словами, материальная основа жизнеобеспечения – фон и среда для реализации отношений означающего и означаемого; знаковый аспект начинает преобладать над собственно жизнеобеспечением по мере социального осуществления – роста социального статуса. Поясним сказанное.

Если для духа актуальна еда как таковая, как объем гарантированных уставом килокалорий, то для деда еда актуальна как знак его статуса, ради которого он готов пойти даже на ограничение рациона. Хотя все это может быть связано с тем, что организм уже адаптировался к армейской пище. Статус «радикального дембеля» может подчеркиваться игнорированием уставной кухни. Он вообще предпочитает питаться не в столовой, а в чайной и за свои деньги. Если он все же ходит в столовую, то не со всеми вместе и ест «домашнюю хавку», например жареную картошку, приготовленную в пищеблоке после отбоя. Этой же привилегией пользуются и наиболее доминантные деды.

Совершенно очевидно, что структура этнографических систем жизнеобеспечения полностью совпадает с аналогичными системами в армии. Соответственно армейские

реалии: пищу, жилище, одежду в их знаково-семиотической проекции – удобно рассматривать с точки зрения этой структуры. Именно знаковость превращает пищу в кухню, жилище – в архитектуру (в смысле архитектоники пространства), одежду – в костюм. Знаковость, собственно говоря, преобразует и реальную агрессию в доминацию со множеством ее символических эквивалентов, предотвращающих реальное (физическое) насилие и преобразующих его в психологическое. (Об этом будет сказано ниже в связи с выводами о сути знаковых трансформаций в социальных, доминантных отношениях.) Начнем с одежды.

Социально-знаковая трансформация военной формы

Каждому сроку службы, каждому социальному страту соответствует своя степень знаковой трансформации уставной военной формы в целях обозначения и демонстрации неуставного статуса.

Знаковая трансформация одежды позволительна с начала второго года службы: непривилегированным группам отклоняться от уставного содержания формы запрещено. И духи, и молодые обязаны содержать одежду в первозданном, виде и носить ее так, как предписывает устав: головной убор носится прямо, его срез приходится на два пальца выше бровей, ремень затянут так, чтобы его невозможно было перекрутить, бляха располагается между четвертой и пятой пуговицами и т.д. Уставная одежда – знак личностно-социальной аморфности, обезличенности военнослужащих, как того и требует устав, добиваясь «единообразия» во всем – от сапог до зубных щеток.

Уставная форма, прошедшая трансформацию в системе знаков социальной иерархии, является по своей сути костюмом. Костюм – это одежда, выдержанная в системе смысловых значений того или иного социума. Как одежда – это субститут человеческого тела, адаптирующий его к физической среде, так и костюм служит субституту человеческой сущности, адаптируя ее к среде социальной.

Трансформация формы производится в первый день после «перевода в черпаки» или входит в официальную часть переходного обряда, который происходит в ночь на день подписания приказа об увольнении дембелей и объявления о текущем призыве.

Головные уборы. До перевода в черепа солдату запрещается производить какие-либо манипуляции с пилоткой. После перевода, в первый же день (а то и в ту же ночь) неофиты отрывают дерматинтовую ленту, пришитую по периметру внутренней части пилотки, разглаживают ее, вытягивая внешние клапаны так, чтобы они смыкались над внутренней частью. В некоторых частях звездочка на пилотке иницированных становится знаком времени: поворот звездочки на 180° свидетельствует о том, что ее хозяин прослужил половину срока. С течением времени ее вращают по часовой стрелке. Так, у некоторых ортодоксальных дедов звездочка бывает повернута на «без четверти полночь». Пилотку, как и прочие головные уборы, разрешается носить, уже лихо заломив на затылок или опустив на самые глаза. Тем дедам и черпакам, кто наиболее остро «переживает время», свойственно надевать пилотку задом наперед или поперек головы. Это происходит, как правило, во время проявления доминантного статуса, например в ходе «работы с личным составом», или, проще говоря, при издевательствах над молодыми.

Этот же смысл заложен в трансформации остальных головных уборов в зависимости от рода войск и их дислокации. В жарких районах солдатам полагается панамы. Знаковая оппозиция «социальная форма – социальная аморфность» переносится на поля этого головного убора. Духи носят панамы с опущенными полями, у дедов поля стоят строго параллельно линии горизонта, для чего в края вставляются специальные пружины, которые можно достать, вытянув их из парадной фуражки духа.

Парадные головные уборы – фуражки – сложно как-то трансформировать в силу специфики этого изделия. Тем не менее у духов они остаются такими, как они есть, у дедов же тулья должна быть высокой, кокарда – выпуклой и загнутой.

Зимние шапки-ушанки, в отличие от фуражек, легко поддаются трансформации. Их

буквально парят и варят, стирают и сушат на «кирпиче» из уставов, ушивают и красят гуталином. Такой объективный фактор, как климатические зоны нашей необъятной родины, вносит лишь несущественные вариации в правила оформления зимнего головного убора. Например, зима в Средней Азии отличается от зимы в Сибири отсюда – различия в ношении зимних шапок дедов Среднеазиатского и Сибирского военных округов. В Средней Азии все клапаны шапки-ушанки сшиваются между собой, завязки продеваются внутрь шапки через пробитое в центре верхней части отверстие и связываются изнутри. В Сибири часто приходится опускать «уши», поэтому клапаны не сшиваются, шапка не пробивается и завязки завязываются снаружи. Вместе с тем невозможно допустить, чтобы у дедов и духов они завязывались одинаково, поэтому завязки настоящих, т.е. инициированных, солдат должны быть выглажены и выложены поверх затылочной части шапки в форме треугольника.

Советская промышленность шила для армии не равноценные, с точки зрения неформальной эстетики, головные уборы. Так, фабрика им. Ахумбабаева шила фуражки и панамы, не приемлемые для настоящего деда, т.е. изначально аморфные: панамы с глубоким «куполом» и узкими полями, похожими на колпаки, а фуражки с низкой тульей, из-за чего в войсках их прозвали «бескозырками». Более всего отвечали требованиям социальной эстетики панамы волгоградской фабрики головных уборов и фуражки одесской фабрики. Они были предметом обмена и теневых товарно-денежных отношений в армии. Соответственно лица, распределявшие эти вещи, – каптерщики, складовики и др. – приравнивались к божествам и имели элитарный статус независимо от срока службы, т.е. занимали верхний порог аутсайдности в системе экстремальных групп. При этом статусные знаки соблюдались обязательно: если молодой каптерщик, например, не мог изгибать кокарду, он по крайней мере мог игнорировать продукцию фабрики им. Ахумбабаева.

Итак, трансформированный неуставным образом головной убор – это субститут головы, «переживающей время».

Нижнее белье. Нижнее белье в армии – предмет особого разговора. Наибольшей знаковостью обладает вся система его распределения и смены. Белье меняют раз в неделю во время организованной помывки в бане. Его получает ротный каптерщик на всю роту, и духи, в том или ином подразделении обязаны проводить распределение согласно иерархии. Пока деды домываются в бане, духи обязаны собрать грязное белье и обменять его в каптерке на чистое. После этого начинается сортировка. Белье дедов должно быть в полном порядке – по размеру, без дыр, со всеми пуговицами и резинками, не застиранное. Белье, по уставу, делится на категории: первая – это новое белье, вторая – поношенное, третья – заштопанное, с отсутствующими пуговицами, четвертая – близкое к лохмотьям.

Периодическое обновление происходит по мере списания старой массы, что связано не с обветшанием белья, а с установленной периодичностью. Если выдали белье не первой или второй категории и на всех дедов качественных изделий не хватает, молодые должны бегать по каптеркам и складам и умолять каптерщиков поменять недостающие комплекты на более приемлемые. О себе они, естественно, заботятся в последнюю очередь. Соответственно банный день для молодых бойцов – день повышенного риска. В этот день особо проявляется иерархия среди духов. Каждый из них собирает вещи, соответствующие его положению в своем страте. Шкала вещей – полотенце, рубаха (майка), кальсоны (трусы), портянки от «чистых» к «поганым» воспроизводит трехчленную иерархию уже среди духов. Привилегированные духи, т.е. те, кто активно служит дедам, приняв нормы неуставного взаимодействия в качестве личной ценности, собирают так называемые привилегированные (чистые) вещи. Остальные собирают оставшееся, а что – портянки. Кстати, о последних. Право носить вместо портянок носки – неуставная привилегия. Устав запрещает игнорировать портянки и надевать носки, даже если они куплены военнослужащими за собственные деньги. Командиры следят за этим и, если подозревают подчиненных в незаконном ношении носков, на общем построении командуют: «Рота! Смирно! Снять

левый сапог!» И горе тому, у кого обнаружат носок. В нашей части некоторые носили портянку поверх носка, который по данной команде сбрасывали и прятали в сапоге с ловкостью иллюзиониста.

Кителя и брюки. Кителя и брюки бывают парадными и полевыми. Последние, в свою очередь делятся на летние, хлопчатобумажные – «хэбэ» и зимние, полушестянные – «пэша». Общей принцип трансформации кителя и брюк – достижение максимальной четкости их силуэта и знаковых элементов. И китель, и брюки ушиваются по фигуре (духи должны ходить в том, что выдали, им подгонять форму запрещено). Основные части для ушивания как в полевых, так и в парадных кителях – это их нижняя часть, а в галифе – их верхнее характерное расширение. Уставная форма шьется на фабриках в виде песочных часов – нижняя часть кителей расширена до плечевой и плавно перетекает в «уши» галифе. Это визуально расширяет зад и сужает плечи, что противоречит маскулинной эстетике и поэтому подлежит устранению. Новая форма – камуфляж шьется по прямому профилю и совсем не похожа на галифе, однако маскулинная знаковая тенденция визуального сужения бедер направлена на зашивание боковых накладных карманов. Заглаживание складок также направлено на подчеркивание четкого профиля силуэта. Устав требует, чтобы складки заглаживались только на брюках, и запрещает их заглаживать на рукавах. Делают наоборот: заглаживают складки на рукавах в продолжение верхних срезов погон, а черепа выглаживают так называемую годичку – стрелку, идущую поперек спины. Для того чтобы стрелки держались лучше, их заглаживают, предварительно смазав клеем изнутри.

К знаковым элементам костюма относятся в первую очередь погоны, шевроны, нашивки, петлицы, металлические эмблемы, пуговицы, т.е. вся фурнитура плюс значки.

В погоны либо помещаются вставки (металлические или пластиковые пластины), либо приклеиваются специальные уплотняющие подкладки. Последние делаются различными способами, один из которых таков: по размеру погона из молочного пакета (бумага в нем имеет полиэтиленовую основу) нарезают полосы бумаги и проглаживают полосы утюгом. Полиэтилен плавится и склеивает бумагу с тканью погона. Пока погон не остыл, ему при желании можно придать выпуклую форму, прижав продольно к поверхности бутылки, или же оставить плоским. В тех районах, где молоко в пакетах не продается, ту же операцию можно проделать со слоями ткани, переложенными слоями полиэтилена, или использовать клей ПВА. То же самое делают и с шевронами, петлицами и всякого рода нашивками. Металлическим эмблемам придается выпуклая, закругленная полусферическая форма.

Отечественная промышленность выпускала разную фурнитуру для солдатской и офицерской формы. Последняя отличается более резкими штрихами, большей аккуратностью изготовления, поэтому солдаты стараются пришивать офицерскую фурнитуру: пуговицы, эмблемы рода войск, кокарды и пр. Новая форма одежды предполагает большее количество шевронов. Однако в условиях общего недофинансирования армии солдатам их могут и не выдавать. Внеуставные нормы: черепа и дембеля расшивают камуфляж всевозможными нашивками – это эмблемы родов войск и групп крови, жетон смертника и т.п. Подобные нашивки покупаются на собственные деньги через тех, кто имеет возможность выехать в города. Духам ни за какие деньги эти положенные бюджетно-несостоятельным уставом знаки «не положены по сроку службы». Роль календаря-циферблата, как в случае со звездой на пилотке, могут играть некоторые значки. В одной воинской части по часовой стрелке крутят «беунок» – знак «Воин-спортсмен». Если воин на значке «бежит» вверх ногами, значит военнослужащий «пробежал» половину дистанции, т.е. прослужил полсрока, если «бежит» вниз – служба приближается к финишу.

Особенно важный знак – подворотничок, который регулярно обновляют. Уставной подворотничок представляет собой двойную полосу белой ткани шириной 1,5–2 см. Он пришивается белыми нитками каждый вечер. При загрязнении его стирают. По

«сроку службы» полагается нечто противоположное. Воротник заглаживается и подшивается как «стойка». Для этого подворотничок изготавливают из широкого, многократно сложенного в одну полосу полотна ткани. Высота «стойки» у такого подворотничка в среднем около 10 см, толщина 5 мм. На это изделие уходит до 1 м ткани. Пришивают его черными, красными, зелеными и другими нитками. Прослужившие год черпаки вышивают на концах один, а деды – два зигзага. С началом «стодневки» каждый день на нем вышивают цифру, означающую число дней до приказа. Ортодоксальному деду стирать «подшиву» «западло», т.е. не престало. Она каждый раз должна быть новой. И дед либо метрами покупает в магазине ткань, либо рвет простыни. Крючок воротника у дедов должен быть всегда растянут в отличие от тех, кому «не положено».

Обувь. Сапоги деда всегда вычищены до блеска, голенища «гармошкой». Верх совершенства – хромовые, или яловые, сапоги. У «настоящих» сапог подошва обтачивается по краю, а голенища ушиваются. Каблуки наращиваются: к ним прикручиваются подковы, изготовленные из токарных резцов умельцами из ремонтной роты за определенное вознаграждение. «Гармошку» на кирзовых сапогах сделать сложно, но если применить поощряемую уставом солдатскую смекалку не по назначению, то можно «проплющить» места предполагаемых сгибов плоскогубцами. Зеркальный блеск достигается путем многократного проглаживания сапог горячим утюгом с высококачественным сапожным кремом (простой гуталин не годится), смешанным с парафином от свечки.

Особо состоятельные деды могут сшить на заказ или перешить сапоги у сапожника в ателье. То же самое касается и ботинок со шнуровкой. При этом шнурки гладятся утюгом.

Солдату положены тапочки, однако надевать их можно по определенной команде или особому разрешению. Духам запрещено злоупотреблять релаксацией в тапочках, потому что для них тапочки в первую очередь служат средством производства. Для дедов же считается особым шармом ходить в тапочках в строю. Если командиры запрещают это, деды «оформляют» такое право через санчасть – «ноги болят».

Шинель. Удобство и мобильность – не самые главные достоинства этого вида зимней верхней одежды. Добротная шинель хорошо смотрится на параде, но не на поле боя, поэтому ее постепенное вытеснение бушлатом весьма оправданно. Тем не менее функция шинели в войсках остается сугубо знаковой. Ее ушивают по боковым швам, зашивают складку на спине, пришивают хлястик. Пуговицы у солдатской шинели изначально нефункциональны, поскольку она застегивается на крючки. Для того чтобы ряд пуговиц выглядел красиво, их не пришивают, а закрепляют на мелких гвоздях, которые вставляют в ушко пуговицы, с внутренней стороны. Особым шиком считаются шинели с видимыми отклонениями по длине – слишком длинные или слишком короткие, цвету – темные или светлые, степени «лохматости». «Лохматая» шинель – торжество сюрреализма в армейской эстетике, предмет самовыражения ее владельца, над которым не смеются, но которому сочувствуют. Этот архетип боярской шубы изготавливается путем расчесывания шинельного сукна слесарной железной щеткой, которой в заводских цехах очищают от металлических стружек станки.

Ремень. Поясной ремень – ключ всей знаковой системы в одежде. Устав предписывает солдатам срочной службы ремни из плотного дерматина. Кожаные ремни выпускались для курсантов военных училищ. Внешне они мало чем различаются и, казалось бы, какая начальству разница: получил солдат ремень на складе или купил в магазине. Однако это далеко не так. Разница, как считают командиры, существенная, и они совершенно правы. Кожаный ремень – максима в системе символов. Во-первых, это инструмент инициации; во-вторых, он фактически находится в коллективной собственности подразделения (дед отдает своему духу этот ремень при его посвящении, а себе на дембель покупает новый); в-третьих, ремень как субститут жизненных сил его владельца воспроизводит физическую модель времени, исчислением

которого детерминирован процесс социального воплощения вчерашнего духа, а именно переход из ничего в нечто. Ремень в армии – не просто календарь, на котором отмечают прошедшие месяцы службы, а модель временной протяженности, выступающая субститутom жизненного пути и жизненной сущности перепоясанного им тела.

Бляха ремня инициированного воина должна быть обточенной, лучи звезды – сточенными и округлыми, поверхность – отшлифованной и вычищенной до зеркального блеска. Края бляхи заточены так, чтобы при желании ими можно открыть консервную банку. Скоба на противоположном конце, при помощи которой он застегивается, убирается. Вместо нее либо вставляется дуга из толстой проволоки, либо на конце вырезается петля. Такой ремень носят максимально распушенным, несмотря на неудобство. Таким образом, основной статусный символ инициированного в экстремальных группах мужчины как субститут его жизненной сущности носится непосредственно на половом органе. Этот факт широко отражен в армейском фольклоре и является предметом шуток командиров на проверках. Офицер, видя распушенный ремень, командует: «Смирно!», затем оттягивает непотребную бляху максимально вверх и резко отпускает вниз. Дед при этом корчится от боли. Впрочем, не без гордости за это публичное, хотя и своеобразное, признание его неформального статуса официальной властью. Заметим, что признание неофициального статуса в игре может себе позволить только тот командир, который пользуется авторитетом среди подчиненных.

Пояс в любой и в первую очередь традиционной культуре относится к порядку архетипических образов. Его значение – знаковая визуализация идеи жизненных сил, субститут тела, оберег. Как узловой элемент целой знаковой системы пояс обозначает временную протяженность, тождественную единице измерения сущности жизни. Во всех традиционных культурах пояс имеет именно это значение. Надевание пояса обширно используется в инициациях. Пояс как символ воинского достоинства мог заменять в обрядах самого воина. В частности, у древних тюрков широко практиковалось погребение пояса вместо тела воина, который погиб и не был найден. Идентичность социально-знаковой функции ремня в армии и в архаических культурах дает основания рассматривать феноменологию архетипов коллективного бессознательного, их функционирование в культуре и социуме.

Знаковая организация пространства

Основная проблема социального обеспечения и, следовательно, морального климата в армии – это конфликт личности и пространства. Пространство создают вещи. Вещь в культуре, по определению, социальна, поскольку определяет сущность и функцию ее владельца. С одной стороны, вещи несут эманацию своих хозяев и информацию о них. С другой стороны, человек реализуется как субъект пространства, окружая себя вещами: оформляя *свою* территорию, он завоевывает *себе* пространство, помещая в него вещь. В этом он противостоит уставу, этика которого предполагает отказ от собственности на вещи, а эстетика – их полное единообразие и строгий геометрический порядок.

Жилое пространство казармы не оставляет человеку ни малейшей возможности для самовыражения. В этом и состоит ее социальная направленность: лишить личность лица и научить ее не чувствовать самой потребности в самореализации, насильственно вписав ее в данное пространство, или иначе говоря, детерминированное единообразие. В армии считается, что «казарма дисциплинирует» и наказывается любая инициатива. Любое проявление воли называют тем же словом, что и хаотично разбросанные вещи – «бардак».

В минимум личного пространства, ограниченного койкой и половиной прикроватной тумбочки, включен и строго регламентированный набор вещей, которые солдатам разрешается хранить. Даже средства личной гигиены – зубные щетки, пасты и пр. старшины периодически закупают централизованно, чтобы порадовать началь-

ственный глаз при смотре тумбочек. Устав допускает наличие у солдата некоего набора вещей, например фотоаппарата и др., но все это должно хранить взаперти в каптерке. Пользоваться таким набором вещей разрешается в строго определенное время: они в повседневной организации пространства не участвуют.

Разумеется, солдат пытается как-то эстетически реализоваться в пространственном контексте своего бытия и с момента прошедшего смотра тумбочек начинает накапливать там разные мелкие неположенные предметы, приклеивать на внутреннюю сторону дверцы тумбочки журнальные иллюстрации и т.д. Все это происходит до следующего смотра.

Одежда как ближайший пространственный субститут тела должна быть помечена на предмет ее принадлежности, как и противогазы. Последние подбираются индивидуально, но все бирки на них изготавливает и подписывает один человек, с тем чтобы они были абсолютно одинаковыми. Пространственно-архитектурное значение форменной одежде сообщает институт построения. Подавляющее большинство построений в армии проводится в целях проверки степени единообразия одежды и прежде всего шинели. Функция последней сугубо архитектурная: данная вещь меньше всего напоминает одежду своим неудобством и нефункциональностью. Эстетика шинели целиком подчинена эстетике строя. Например, нижний срез шинели должен быть на определенной высоте. А потому для того, чтобы строй выглядел красиво, старшина строит военнослужащих в ряд и на определенной высоте мелом проводит по шинелям единую линию, по которой всем следует их обрезать. Выровнять строй сверху гораздо труднее – пришлось бы «обрезать» головы. Что, собственно говоря, и делается. только символически – всем головы, во-первых, стригут, во-вторых, выводят бритвой нижний срез волос на затылке в ровную линию. Это целый институт армейской эстетики, который на каждом построении низводит человека до строевой единицы.

Особенно показательны в этом плане построения, связанные с визитом в часть высокого начальства. Генерал обходит строй, за ним следуют командир части и свита, все вглядываются в «геометрию человеческой массы», пытаются найти изъян. За спиной солдат замерли старшины, сжимающие в потных от волнения руках механические машинки для стрижки волос и готовые стричь военнослужащих по первому сигналу. И, что самое интересное, некоторых стригли прямо на плацу, публично демонстрируя воздействие армейской власти на головы подчиненных. В подобного рода построениях архетипический алгоритм тотальной власти воспроизводит семиотику публичной казни. По крайней мере какой-то реальной необходимостью этот театр трудно объяснить.

Кстати говоря, приведенное выше описание – не гротеск, запечатленный момент ответственного построения в бригаде связи Главкомата Юго-Западной группировки войск в 1989 г., на котором автор присутствовал лично. Таким образом, ритуалом обрезания шинелей и стрижкой голов старшина «оформляет» человеческую массу в геометрическую фигуру. В геометрии толпы заключаются эстетика военного построения и этика тоталитарного общества. Достаточно вспомнить, как проводились всенародные праздники в советском обществе с его парадами: шеренги, марширующие как единая механическая машина, колонны техники, «лирические» перестроения в форме букв, звезд и пр. Сам акт облачения в уставную форму лишает человека пространственной автономии. Надеть форму значит внедрить себя в ячейку некой макроструктуры, об общих задачах и принципах существования которой рядовому знать не положено, не говоря о том, чтобы творчески на нее влиять.

В армейском быту, как и на зоне, нет большей ценности, чем возможность хотя бы временной пространственной автономии. Но пространство специально организовано так, чтобы свести подобную возможность к минимуму. Отсюда ценность всех пространственно выдающихся участков казармы, таких как койка у стены (у окна, с краю), популярность, некоторых видов нарядов, обеспечивающих возможность уединения и пространственной мобильности. В нашей части особенной популярностью, несмотря на грязную работу, пользовались наряды на свинарник, а в наряде по КПП

семиотика пограничной точки между *той* и *этой* сторонами забора преобладала даже над таким негативным фактором, как близость к началству.

Конкуренция в распределении пространства – один из факторов доминантных отношений, и в ней целиком реализует себя неуставная иерархия.

Клейн отметил пространственный фактор самовыражения личности в экстремальных группах на примере лагерной иерархии. Сам Клейн имел статус «уголового», которого он добился, по его словам, в силу определенных качеств характера, несмотря на интеллигентское происхождение и неуважаемую в блатном мире статью. «Уголовых» называют по имени и отчеству, относятся к нему уважительно, с ним охотно «базарят» авторитеты. По статусу ему положена угловая койка. В известных мне воинских частях элита располагалась на нижнем ярусе коек вдоль стен и в углах. Признаки элитной койки – стены с боков, второй ярус кровати сверху: человек в стремлении к автономии инстинктивно пытается «спрятаться в ящик» (ящик в данном случае – символ закрытого пространства).

Как в армии, так и в лагере опущенные на низшие ступени иерархии индивиды занимают спальное пространство, соответствующее их социальному положению: их койки располагаются на втором ярусе, т.е. на виду, в проходе, ближе к выходу.

Итак, качество пространства есть знак качества личности. В доминантной и агрессивной среде более светлым и независимым пространством обладает более сильная и доминантная личность.

Устав борется за порядок посредством борьбы с личностью. Пространство в армии – не пустота, наполняемая вещами, и не конфигурация вещей. Единственный конституирующий в армии пространство предмет – это толпа, человеческая масса, оформленная в виде геометрической фигуры. Строй – единственное пространство индивида. В армии человек вне строя асоциален и подозрителен. В некоторых уставных, т.е. образцово-показательных, частях в моменты приступов служебного рвения запрещали перемещаться по территории вне строя обычным шагом. «Солдат без сопровождения должен передвигаться по территории части бегом. При встрече с офицером переходить на строевой шаг для отдания чести», – гласила инструкция. Предполагается, что он либо живет по коллективному распорядку, либо расторопно выполняет важное поручение¹⁰. «Единичное тело становится элементом, который можно разместить, привести в движение, соединить с другими элементами. Его основными определяющими переменными являются не доблесть или сила, а занимаемое место, отрезок, который оно собою покрывает, правильность и надлежащее расположение, с которым оно согласует свои перемещения. Солдат прежде всего фрагмент подвижного пространства и только потом мужество или доблесть»¹¹.

Время в армии подавляет пространство: распорядок не предусматривает возможности уединения, т.е. нет такой единицы времени, в которую человек легально остается один на один с пространством. Пространственно-временной континуум детерминирован тотальной геометрией толпы. Под беспорядком понимается любое самовыражение личности в пространстве и во времени, и пресечение этого «бардака» командиры всегда начинают с построения, с формирования человеческой массы в геометрическую фигуру. Это креативное действие восстанавливает статус-кво власти на пространство и время и сближает семиотику построения с ритуалом. Особенно эффективно воздействуют на личность ночные построения или такие приемы, как многократное чтение списка вечерней поверки, когда в ответ на шевеление и разговоры (т.е. по сути психологический выход личности за пределы строя) начинают читать заново весь список.

«В дисциплине элементы взаимозаменяемы, поскольку каждый из них определен местом, занимаемым им в ряду других, и промежутком, отделяющим его от других. Следовательно, единицей является не территория (единица господства), не место (единица расположения), а ранг»¹². Но если «дисциплина – искусство ранга и техника преобразования размещений»¹³, то в уставной иерархии дисциплина остается, по определению, недостижимым идеалом: как нежизнеспособен устав, отрицающий де

fasto генетическую иерархию, так трагикомична роль молодого сержанта, «командующего» дедами и дембелями.

Неуставная система восстанавливает право личности на пространство по мере повышения ее статуса во времени. Койки дедов являются моделью осуществления индивида в хронотопе. По всей длине кроватной рамы приклеивается длинная и узкая полоса бумаги или ткани, на которой написан порядок чисел от 100 до 1. Каждую полночь духи отрывают или зачеркивают по одной цифре. Данный шедевр семиотического конструирования хронотопа называется «стометровкой». Духи должны отрывать единицу ночью, когда дед спит, и эта модель пространственно-временной протяженности непосредственно повторяет протяженность его тела.

Конфигурация статусов в пространстве напрямую зависит от того, какая сила, внешняя или внутренняя, собрала людей в одном месте. Если повод официальный – формальное собрание в клубе, построение на плацу, политзанятие, то неофициальная элита располагается на заднем плане, за спинами духов – тех, чей статус в системе неуставной иерархии равен нулю, т.е. уставу. Если повод неофициальный – просмотр телевизионных передач после отбоя или кино в том же клубе, то деды занимают первые ряды и центр. Одно и то же пространство имеет два принципа социально знаковой организации в зависимости от качества события, в нем происходящего.

В особых случаях пространство формирует статус. Если солдату по должности положен собственный рабочий угол, хотя бы для временного пользования: радисту – рубка, фотографу – лаборатория, каптерщику – каптерка, фельдшеру – санчасть, повару – пищеблок и т.д., его статус резко возрастает по направлению к верхнему пределу аутсайдности. И солдат из категорий, обладающих своим квадратным метром автономного пространства, не просто им владеет и находит на нем уединение, он оформляет собственный угол как дом. Известны случаи, когда водители использовали скромный ресурс кабины и устраивали там некие «нычки» – тайнички с неуставными вещами. Кстати, само слово «нычка» (производное от «зачачка») означает одновременно и тайник, и уединение.

Высокий социальный статус – есть узловое звено социального ландшафта. И наоборот, духи, например, социально аморфны и как бы «растворены» в воздухе (о чем говорит само их название). Их равенство возводится в абсолют. Каждое утро они оформляют пространство казармы: застилают все кровати, выравнивают их по нитке, придают постелям строгую геометрическую форму посредством разных экзотических технологий (набивают тапочком на застланном матрасе грани сбоку, прижав табулетом сверху, или начесывают стрелки щеткой и т.п.) и постоянно моют полы. При этом они не имеют права пользоваться пространством в неуставное время: сидеть, а тем более лежать. Духи должны «летать», т.е. быть постоянно заняты работой. Особенно репрессивное значение имеет чистка унитазов, которая используется как наказание проштрафившихся духов. Этим также постоянно занимаются парии общества – чмыри. Считается общественно ценным заставить чмо, чмырей, дослуживших до увольнения в запас, «драить очко в дембельской парадке». Поэтому семантически они, что называется, «смешаны с дерьмом», а «очко», которое они «драят» в день демобилизации, состоит в символическом тождестве с воротами части, через которые они ее покидают.

Работа по оформлению и очищению пространства (как и любая другая) лишена своего рационального смысла и возводится в ранг репрессивного института, направленного на поддержание социальной структуры.

Статусная знаковость в системе питания

Семиотический статус пищи целиком отражает социальные отношения. Пищи без смыслового значения, т.е. ценность которой равнялась бы ее энергоемкости, в сфере культуры не существует. Именно смысловой контекст превращает еду в кухню. И наоборот, низкий семиотический статус пищи при актуализации калорийной и

экологической ценности переводит систему питания из культуры жизнеобеспечения в технологию жизнеобеспечения¹⁴.

Степень семиотического значения пищи повышается прямо пропорционально иерархической шкале: чем выше статус человека, тем больше запретов и предписаний, прав и обязанностей, которые возлагает на него культура питания, и наоборот. Уставной рацион заключается в подсчете килокалорий. Культура питания в армии заменена энергетической технологией и соответственно слова «рацион», «меню», «блюдо» заменяет выражение «раскладка продуктов», что означает ежедневное воспроизводство утвержденной нормы килокалорий. Система питания, как и одежда, отражает иерархию статусных отношений, поэтому компоненты «раскладки продуктов» выстраиваются в иерархии знаков престижа.

Низшие слои в армии должны довольствоваться всей полнотой уставного рациона (содержание его воспроизводит разнообразие блюд от престижных до «подлых»), определяемого, конечно же, в первую очередь вкусовыми качествами продуктов. Если привести в целом их перечень в порядке убывания престижности продуктов, он выглядел примерно так: хлеб с маслом и чай с сахаром – котлеты (по праздникам) – 2 яйца (по воскресеньям) – куски мяса в подливке – рыба – «плов» – макароны – картошка – каши: ячневая и комбикаша. Соответственно по мере движения вниз по иерархической шкале уменьшается набор продуктов, которые можно употреблять, «не теряя лица». Структурированный, согласно иерархии, рацион можно было представить в виде пирамиды: духи должны есть все, молодые все могут не есть, черпаки едят только вкусно приготовленные обеды, деды ограничиваются бутербродами. С точки зрения семиотики межстатусной пищевой коммуникации, примечателен ритуал передачи дедами духам высшего пищевого блага – масла, который действует на протяжении 100 дней до приказа. Этот ритуал действует и сегодня, в условиях общего недофинансирования армии. Приведу отрывок разговора с «дедами» одного из погранотрядов: «Вы масло на стодневку едите?» – «Щас! Духи жрут наше масло. Отдаем, куда деваться. А масло к нам только на стодневку и завозят». – «У вас что, замкнуто по тылу большой ревнитель армейских традиций?» – «Серьезно, сколько раз мы наблюдали. Весь год масла нет, на стодневку завозят. И масло-то классное, а тут отдавать приходится. Духи балдеют, хари – во! Особенно в эту стодневку. У нас же 200 человек увольняются осенью. Все масло – духам» (Полевые материалы автора. Запись от 1 августа 1999 г.).

Дембелям вообще не пристало ходить в столовую. Разумеется, выше приведена идеальная схема национально-пищевых коммуникаций, воспроизводящая общую тенденцию, однако она осознанна и ей следуют. Возникает статусный этикет приема пищи. Если духи чересчур разборчивы или, наоборот, невостребованы в еде, их насильно кормят «подлой» пищей в больших объемах. Могут, например, заставить съесть котел тошнотворной ячневой каши. То же самое их ждет, если они посягают на элитарную пищу. В нашей части деды за ужином посылали духов в пищеблок за растительным маслом, которым поливали слишком сухую картошку. Однажды духа, который несанкционированно воспользовался этой привилегией, заставили выпить кружку подсолнечного масла. Духи не должны сидеть за одним столом с дедами и черепами, но должны быстро поесть и убрать за них посуду. Когда это заметили офицеры, то деды стали специально сажать духов за свой стол, чтобы не вызывать подозрений: дескать, он сам здесь ел, за собой и убирает. Особо доминантные деды стараются в столовую не ходить. Духи, прячась от начальства, приносят им в спальное помещение что-нибудь из солдатского обеда – хлеб, масло, рыбу и пр.

Солдатские чайные дополняют армейский рацион маленькими человеческими радостями, не включенными в официальные продовольственные нормы. Это прежде всего молочные продукты и кондитерские изделия. Соответственно посещение чайной – знак социального престижа, «положенный по сроку службы». Этикет не поощряет духов, посещающих чайную: у них в животах «еще мамыны пирожки не переварились», т.е. они не прошли всей полноты посвящения в армейскую жизнь, не

вкусили всех «тягот и лишений воинской службы», а потому посягательства на такие маленькие внеуставные радости, как булка в «чайнике», считаются верхом бестактности по отношению к старшим товарищам.

Когда одного наказывают за «чайник», приводят в пример другого, который «полгода прослужил и ни разу еще в «чайнике» не был». Всем молодым бойцам «по сроку службы не положено» употреблять внеуставную пищу. Данное табу снимается только тогда, когда они получают из дома посылки. Но даже это должно подчеркивать их низовое равенство – содержимое посылки делится на всех поровну, начиная с элиты. В итоге самому хозяину посылки мало что остается. Излишне говорить, что деды своими посылками с духами если и делятся, то только потому, чтобы подчеркнуть свой статус. После ночного пира «дедушка» вручает духу пакет с обедками, чтобы тот его выбросил на помойку: «Это тебе. Поешь и уберешь за собой».

Разумеется, подобные отношения весьма ситуативны, и отношение дедов к посылкам духов может быть самым разным в зависимости от традиций подразделения – от изытия до полного игнорирования угощения с «духовского стола». Кое-где деды считают, что обедать духов «западло», т.е. недостойно их статуса, а где-то они картинно отказываются от подношений: «Мне уже домой завтра, а вам еще служить и служить». В любом случае, посылки из дома обостряют грани иерархии.

Социальная мобильность и переходная обрядность

Солдатские коллективы отличаются от коллектива заключенных прежде всего единым для всех сроком пребывания по эту сторону забора, гарантированным сезонным увольнением и сезонным пополнением личного состава. Срок армейской службы не может быть сокращен по усмотрению непосредственных начальников, как это бывает на зоне. В условиях, когда место в иерархии определяется сроком службы, социальная мобильность, а именно переход от низшего порога аутсайдности к высшему, осуществляется автоматически, и сопровождается обрядами перехода.

Как правило, обряд перевода на следующую ступень иерархии заключается в ритуальной (по содержанию, но отнюдь не по форме) порке неофита. Каждая часть имеет свои вариации обряда, хотя принцип один: сколько месяцев прослужил – столько ударов получил. Где-то сразу бьют бляхой, где-то порют разными концами ремня, и посвящаемый должен отличать удары бляхой от прочих ударов. Духов «переводят» шестью ударами, бьет их собственным ремнем, после чего могут оставить на внутренней стороне ремня автограф. Перевод «в молодые» носит скорее формальный характер и не влечет никаких особенных изменений в жизни солдата. Разве что он теперь отвечает не только за себя, но и за того духа, которого он должен «воспитывать». Качественное значение имеет перевод «в черпаки», после которого посвящаемый пополняет ряды элиты, т.е. переходит из разряда объектов в разряд субъектов доминантных отношений. Если за первый год службы у него сложились устойчивые субдоминантные отношения с тем или иным дедом, то последний и будет его переводить. В противном случае перевод осуществляет любой желающий дед. Он бьет своим ремнем 12 раз, после чего ремень переходит во владение новоиспеченного черепа, который в свою очередь через год передаст его своему духу. На внутренней поверхности ремня оставляется автограф, изречение, наставление в стиле «служи, сынок, как я служил» и т.п.¹⁵

Акцию «перевода в черепа» можно с уверенностью отнести к переходной обрядности, поскольку социализирующая функция видна, что называется, невооруженным этнографическим методом. Передача пояса – квинтэссенция не только обряда перехода, но и всей системы самовоспроизводства дедовщины. В последней архетипические пласты культуры актуализируются в качестве факторов социализации, о чем красноречиво свидетельствует сама структура переходного обряда, семантическое значение которой мы рассмотрим ниже.

Естествен вопрос: как можно заставить духа принимать дедовщину в качестве личной ценности? Восприятие насилия как нормы социального контакта со стороны насильника понятно. А если насилие оправдывает сама жертва? В этом случае мы имеем дело с наблюдаемым в действии механизмом апологии образа жизни, формирующим групповую идентичность, в которой достигается психологический комфорт индивида. Таким образом, под социализацией здесь понимается самовоспроизводство социума путем формирования у индивидов просоциальной системы ценностей.

Переходная обрядность представляется максимой ценностей, потому что она заполняет пробел в уставе, который не предусматривает перехода статусов, а значит, не отвечает главной потребности личности в самоутверждении в армии, где всё говорит тебе, что «ты – рядовой», т.е. социальный ноль. Дедовщина как саморазвивающаяся и живая система основана как раз на этом стадийном переходе человека из «ничто» в «нечто», институализированном переходной обрядностью. Соответственно жестокие нормы дедовщины кажутся более привлекательными даже духам, и это хорошо видно по их отношению к переводам.

Перевод – главное событие в армейской жизни, и молодые бойцы накануне приказа буквально выкладываются, чтобы заслужить милость быть переведенным. Удары бляхой – не самая большая «тягота и лишение воинской службы», с которым они успели столкнуться, поэтому удары принимаются ими как дар небес. Отказ же дедов перевести кого-то из молодых в черпаки – это больше, чем наказание. Наказанием могут быть угрозы «не перевести», которыми деды могут шантажировать своих духов. Это, пожалуй, самый сильный из действующих в армии на протяжении последних 40 лет стимул социальной активности. Как правило, переводят всех: и тех, кто «на духанке» стал апологетом дедовщины – «золотым духом», и тех, кто подчинялся дедам без особого рвения. Переводят и того, кто в первый год службы пытался противостоять дедовщине, если, конечно, он при этом зарекомендовал себя как сильная личность и, не принимая нормы системы, стремился к верхнему порогу аутсайдности. В этом проявляется инстинкт группового самосохранения, посредством которого социум воспроизводит себя во времени. Система наделяет привилегиями даже тех, кто пытался ее разрушить, так как именно привилегии дедовщины есть главный механизм ее самовоспроизводства, полностью отсутствующий в уставщине. Привилегии есть инструмент идентичности элиты – класса, обеспечивающего функциональность всей системы. Такая крайняя мера, как отказ в переводе в черепла, применяется только в отношении чмырей – лиц, социально опущенных на нижний порог аутсайдности. Публичный отказ от перевода равнозначен акту «опускания».

Не без оснований считается, что деды, устраивая молодым солдатам перевод, подвергают себя большому риску: командование видит в этом ритуале источник всех бед в вооруженных силах и за него преследует. Тем более что по автографам на ремнях легко «вычислить» тех, кто переводил, и соответственно наказать за «неуставные отношения». Поэтому молодые сами упрашивают старослужащих товарищей, опасаясь репрессий, чтобы те их перевели. Деды кокетничают и провоцируют любовь масс: «Я вас переведу, а потом вы меня застучите». – «Нет, не застучим!» – «Ну, смотрите, сами так решили». И переводят. При этом подталкивание духов к инициативе перевода есть провоцирование их к выбору между дедовщиной и уставщиной.

Ритуально-праздничная атмосфера, в которой реализуется этот выбор, усиливает эффект социализации в системе ценностей, снимает межстатусный конфликт, формирует у объекта доминантных отношений апологию своего образа жизни с положительным восприятием всей системы доминации, в которой сами доминанты становятся референтной их группой. В итоге младшие и бесправные жертвы дедовщины принимают ее основной принцип – идею статусного перехода – в качестве личной ценности еще задолго до того, как совершится реальный переход. Таким

образом, нормы доминантной экспансии составляют содержание общественной системы ценностей независимо от социального страта.

Переводы в фазаны и черпаки и по форме, и по содержанию представляют собой инициацию. Подготовка к этому обряду посвящения идет весь первый год службы и заключается в «умерщвлении» мальчика ради его возрождения в новом качестве мужчины-воина.

Ритуал с развитием мировой культуры, покидая сферу нормативно-правового обеспечения социума, сохраняется на уровне коллективного бессознательного и в культурном вакууме экстремальных групп вновь становится поведенческим и мировоззренческим императивом. Солдаты ждут заветного рубежа, так как он воспринимается ими не только как избавление от массы обязанностей, но и как начало их самодтверждения. После года службы солдатам «положено» иметь неуставные вещи и видоизменять уставную форму, смотреть телевизор после отбоя и спать после подъема, ходить в чайную и не посещать столовую, качать мышцы в спортгородке и не участвовать в вечерней поверке. Их статус дает привилегию распоряжаться пространством и временем по собственному усмотрению. Итак, статус элиты предполагает осуществление личности, которое начинается с бессознательного утверждения ее пространственно-временной автономии.

Структуры коллективного бессознательного осознаются в знаковых системах, через которые доступны наблюдателю. Если рассматривать дедовщину как систему, то можно обнаружить, что в основе доминантных отношений лежит тот же принцип инициации: на протяжении первого года службы человек уничтожается как личность, на протяжении второго он уничтожает личность другого человека. Социальная мобильность в экстремальных группах воспроизводит систему организованного насилия в обрядах перехода. Характерно, что гражданское, ориентированное на патриархальность общество оправдывает службу в армии именно с позиции инициации. Вопрос «Нельзя ли отменить льготу студентам на отсрочку?» был задан В.В. Путину во время его предвыборного телефонного разговора «с народом», организованного редакцией «Комсомольской правды». По данным опросов ВЦИОМ, большинство мужчин старше среднего возраста высказывается за всеобщую обязательную службу, тогда как большинство женщин – против. Апологеты армии считают, что служба «делает из пацанов настоящих мужиков», и это перекликается с апологетикой дедовщины. И 20-летние деды выводят в своих дембельских альбомах афоризм, отражающий народную метафизику социальных ролей: «Кто был студентом – видел юность, кто был солдатом – знает жизнь».

Половой детерминизм неуставной социальной иерархии в экстремальных группах

Вся система в своей статусной знаковости патрилокальна, как термины уставного сленга («отцы-командиры», «батяня-комбат») и неуставной иерархии («деды», «мужики»). Духу, по неписаному праву, запрещено рассуждать о женщинах, тогда как дед и череп обязаны поддерживать реноме: они пытаются знакомиться с женщинами в увольнениях, после отбоя обсуждают все преимущества полового акта в сравнении с воинской службой, празднуют 8 Марта и т.д.

Все служебные и межличностные отношения отличаются крайней доминантностью, обозначаются в терминах сексуального контакта и широко представлены в армейском фольклоре. «Вые...ть земляка – что дома побывать», – оправдывает начальник свое служебное рвение в отношении подчиненного земляка. «Нас е...т, а мы крепчаем», – утешают себя солдаты (это психологическая защита от доминантной экспансии, исходящей от старших по званию). «Прапорщик – не замполит, у него ж...а не шире плеч», – говорил один военный, объясняя свою неготовность терпеть выговоры от комбата за нарушение распорядка его подчиненными. Примеров подобного рода много. Все нормативные отношения в армии выражаются в терминах гомосексуальной

экспансии, причем не только среди низшего звена – солдат, но и среди высшего офицерского состава.

В одной из учебных бригад связи, этой «интеллектуальной элиты» вооруженных сил, комбриг настолько ценил «физиологический символизм» власти, что любил на общих построениях с трибуны вещать, как он «обладает» всей бригадой. Мощные громкоговорители распространяли его матерно высказанную доминацию далеко за пределы части, на весь военный городок, где живут жены и дети офицеров. «Имея орально» (в смысле вербально, только очень громко) всю тысячу этих «сукиных детей», которые шагают по плацу не в ногу, комбриг и не подозревал, насколько адекватно архетипическому символу власти он выражает свои эмоции в вербально-знаковых эквивалентах физиологии – в терминах физического обладания.

Половой детерминизм в доминантных отношениях армии находит свое знаковое выражение и в одежде. Так, пилотка духа называется нелитературным термином, обозначающим женский половой орган, тогда как пилотке социально полноценного, инициированного доминанта придается форма конуса. Социальная оппозиция духов и дедов выдержана в символах фалловагинальной оппозиции.

В доминантных и гомогенных отношениях физиология актуализируется как знаковая система, т.е. семантическое поле культуры редуцируется до базисного уровня, с которого весь спектр смысловых значений разворачивается в полисемантической прогрессии.

В системе символов власти любой половой акт, а гомосексуальный в особенности, имеет ярко выраженное значение доминантности. Гомосексуальная экспансия как знак социальной доминации, известная и среди некоторых видов животных, в экстремальных группах обычно функционирует на уровне символических и речевых эквивалентов. Это, на мой взгляд, отражает полисемантическую прогрессию и может быть расценено как один из моментов динамики культуругенеза.

Специфика понятия власти определена осознанной волей и целеполаганием, но феномен власти всего лишь воспроизводит на уровне человеческих отношений общую для всех организмов экспансию в пространстве и во времени за счет других. Экспансия являет собой феноменологию жизненной силы, осознанную в культуре и представленную на всех стадиях культуругенеза, начиная с архетипов, каждая из которых имеет свои знаково-символические эквиваленты. На базовом (исходном, первичном) уровне семантических проекций архетипа жизненных сил знаком экспансии последних и символом власти является активное и, следовательно, доминантное физиологическое состояние. Наиболее естественный пример из этнографии и этологии – фаллос как символ власти. Полисемантика как знаковая проекция культурной динамики предполагает многослойность знаковых конструкций, в которых каждый знак состоит в связи со всеми остальными знаками. Этим обусловлена символизация символов во второй, третьей и других степенях. Тогда жезл вождя одновременно контаминируется и с фаллическими символами, и с общими знаками экспансии. В то же время он может быть и самостоятельным символом власти.

Подобное можно наблюдать и в армии, и на зоне, где все доминантные отношения (как уставные, так и неформальные) описываются в терминах полового акта, что означает вербальные знаковые эквиваленты экспансии подавления, с которыми все обращаются ко всем. Однако когда доминация направлена на социально неполноценного или, точнее говоря, асоциального индивида (на зоне это «чушки», или «петухи», в армии – «чмо», в дисциплинарных батальонах – «палево»), то их удерживают на нижнем пороге аутсайдности («опускают») посредством реального мужеложества. Символизм доминантных отношений редуцируется до уровня прямого физиологического насилия в крайних случаях, когда прочие более сложные и менее общие эквиваленты власти не обеспечивают консолидацию тяготеющих к распаду экстремальных групп. Тогда социум конституирует свою целостность путем моделирования социальных интиподов.

Как мы видим, такая редукция социальных полисемантических связей до первичного

физиологического уровня происходит в группах культурного вакуума, т.е. в тех обществах, в которых очевиден распад полисемантических коммуникативных цепочек, формированию которых было подчинено все предыдущее развитие каждого из индивидов в гражданском обществе – его социализация, воспитание, образование. На мой взгляд, это есть свидетельство того, что эволюция нормативной культуры в определенных условиях может быть обратимой.

Если 10 лет назад в армии случаи мужеложества были экстраординарными, то в последние 2–3 года факты сексуального насилия в отношении солдат, в том числе со стороны «отцов-командиров», заметно участились, что свидетельствует о прогрессирующей экстремализации доминантных отношений в постсоветской армии. Так, еженедельник «Новая Камчатская Правда» опубликовал материал о сексуальных домогательствах подполковника, командира одной из воинских частей¹⁶. По вскрывшимся фактам уголовное дело возбуждено не было за якобы недостаточностью оных. Журнал «Вне закона» предал гласности материал, скрыть который оказалось невозможно: замполит батальона на о-ве Итуруп Южно-Сахалинского гарнизона майор Свиноаренко на пару с председателем райсовета и районной администрации о-ва Итуруп Г. Камольцевым изнасиловал около полусотни солдат. Их дело находится в следствии¹⁷. Это лишь единичные факты, попавшие в прессу. Однако в целом половой детерминизм доминантных отношений в армии свидетельствует о глубоком кризисе всей системы, затрагивающем структуры коллективного бессознательного.

Уставы в Советской Армии настолько подробно регламентировали всю гамму человеческих отношений, что не могли оставить без внимания и проблему любви. Устав, основной закон армии, гласит: «Военнослужащий обязан любить свое оружие». А. Левинсон пишет по этому поводу: «Нам не известно более ни одного случая, когда любовь предписана к исполнению юридически обязательным образом. Устав и обряд присяги оформляет отношение военнослужащего с оружием, как род брака. Отличие «невесты» не в том, что она «механическая» (такой брак, по метафоре Маклюэна, заключают, например, миллионы автовладельцев), но в том, что она достается жениху не по выбору, не по его воле. Выбрать оружие по себе – прерогатива рыцаря, богатыря, боевика, террориста, бандита, но не рядового. Семиотика табельного оружия военнослужащего иная, чем у купленного гражданским лицом по выбору, пусть это один и тот же пистолет. Любовь к оружию предписана 18–20-летним мужчинам, которым в силу требований того же устава фактически предписан целибат. Их оружие делится на два рода. Это механизированные, усиленные органы отца/самца. Их функция – прободение. От патрона 5,45 мм до межконтинентальной ракеты они имеют одну и ту же фаллическую форму, диктуемую архетипом не менее, чем аэродинамикой. Другой ряд оружия – механическая, стальная утроба. Это бронированное материнское укрытие – танки, БТР, субмарина и т.д.»¹⁸.

Не берусь комментировать отношение архетипов и аэродинамики. Замечу только, что фаллический силуэт патрона – наиболее частый знак армейских татуировок, который используют «партачные мастера» в качестве художественных виньеток для выкалывания группы крови на левой половине груди или на плече. В невоюющей армии это не жизненная необходимость, а знак инициации: духи не имеют права делать армейские татуировки. Им даже обозначение группы крови «не положено по сроку службы». Известны случаи, когда духам, сделавшим до срока татуировку, просто вырезали кожу по периметру рисунка. Только инициированные мужчины могут обозначать свой статус путем изображения группы крови в орнаменте фаллического характера, радуясь обретенной социальной потенции не меньше, чем физической.

К другому виду инициационных татуировок относятся знаки родов войск в композиции с изображениями характерных для них видов коллективного оружия: танков, БТРов, субмарин и пр. – символов материнского укрытия, о котором пишет Левинсон.

Суть добровольного клеймления тела знаком-эмблемой своей среды также заключается в инициации: в слиянии сущности вчерашнего неопита с переварившей

его личность субстанцией. Оно наступает по мере того, как в желудке духа, используя местный фольклоризм, окончательно перевариваются «мамины пирожки».

Устав приносит свои плоды, и солдат начинает любить свою механическую невесту больше, чем настоящую, которая осталась дома. Универсальный сюжет армейского фольклора рисует душераздирающую картину: пацан уходит в солдаты, и пока он защищает покой своей невесты, она ему изменяет с «закосившим» от армии «козлом». И все, что у него осталось в этой жизни, – это его верный автомат, который «никогда не изменяет», и мать-старушка, которая только одна и ждет его.

Этот грустный сюжет сменяет веселый, также связанный с социальной сексуальностью военных. Архетип мистического брака с оружием всплывает в массовом сознании военнослужащих в результате апологии своего образа жизни и соответственно предстает в положительной комплиментарности. И сексуальность дается солдату не только потому, что он солдат вообще, а потому, что он солдат ракетных, бронетанковых, пограничных, десантных войск, стройбата или связи. Где бы человек ни проходил службу, он всегда будет отличать свои войска от остальных по принципу апологии образа жизни, эксплуатируя архетипы жизненной силы. Фольклор конкретного рода войск рисует типичного ракетчика (танкиста, пограничника, десантника, стройбатовца, связиста) эдаким добрым молодцем, удачливым и находчивым в служебных и любовных делах, который соблазняет не простых женщин, а жен и любовниц военнослужащих всех прочих родов войск. Вот, например, три частушки из десятка услышанных автором на политзанятиях от командира, популярно объяснявшего преимущества тех или иных родов войск:

Пока связист мотал катушку,
Танкист е...л его подружку.

Пока танкист е...я с траком,
Связист жену поставил раком.

Скорее лев откажется от пищи,
Чем женщина от ласки моряка.

Очевидно, что сверхсексуальность героя есть не что иное, как эманация его доблестного рода войск, принадлежностью к которому он по праву гордится.

Другой фольклорный сюжет «классовой» сексуальности солдат связан с трикстерским соблазнением рядовым (обязательно дедом или дембелем) жены или дочери офицера, желательно непосредственного начальника. Можно привести десяток примеров на эту тему из местного фольклора. Как минимум на четырех заставах российско-китайской границы вам расскажут, что дембеля, которые уволились «прошлой весной (осенью)» были настолько сексуальны, что во время несения ими дежурства к ним для любовных утех на пограничную вышку (!) лазила сама жена начальника заставы (или замполита, замбоя, старшины – в зависимости от степени интенсивности «любви», которую терпит личный состав со стороны того или иного должностного лица). Комментировать подобный рассказ – занятие неблагоприятное, но все же заметим: приведенная история построена на контаминации архетипа фаллического культа, мировой оси и символа данного рода войск – пограничной вышки. И вот на этот мировой фаллос погранвойск карабкается жена командира, чтобы совокупиться с дембелем-погранцом, «настоящим мужиком», обладателем истинных жизненных сил. Женщина в армии – явление трансцендентное, и в приведенном эпизоде она выступает в роли арбитра в конфликте между неофициальной истинной и официальной ложной силами, конфликте, выраженном социальной семиотикой полового детерминизма.

Данный фольклоризм давно шагнул из казармы на большую эстраду. Группа «Любэ», сделавшая эстрадную карьеру на эксплуатации военно-маскулинного комплекса, поет песню «Самоволочка», в которой brave солдат плотски любит

«капитанову жену». Настоящий солдат в заформализованной среде ведет себя как мифологический трикстер, чем оживляет безжизненный механический ландшафт устава, т.е. делает уставщину с ее целибатом вполне приемлемой для жизни. Этот бессознательный трикстерский комплекс, восходящий в своей основе к архетипам, коллективному бессознательному (о чем говорит распространенность аналогий в мировых мифо-ритуальных системах), преобразуется в поведенческий стереотип, которому положено следовать всем «настоящим воинам» — дедам и черпакам. В ближайшие после «перевода» выходные новоявленные черпаки устремляются в город искать невест. По их убеждению, теперь, когда их кокарды загнуты и надеты все значки, они выглядят вполне презентабельно и сексуально. Перед межполовыми отношениями временно отступают даже доминантные. В первое увольнение молодых солдат собрался консилиум дедов, который постановил: разрешить наиболее исполнительным духам загнуть кокарды, чтобы «духовской внешностью» не позорить подразделение.

В другом случае на вопрос, почему бы не пойти в увольнение «по гражданке» во избежание общения с патрулем, мой сослуживец ответил: «Ну, ты что! Когда ты в форме, то стоит только выйти на Ленинский, как девки пачками вешаться на тебя будут». Экспериментально была доказана несостоятельность этой версии — «пачками вешался» как раз патруль, но это, однако, никак не сказалось на силе стереотипа. Когда же у солдата в городе действительно появляется женщина, это повышает его авторитет в глазах боевых товарищей. И он его всеми силами старается поддерживать, описывая после отбоя свои похождения в деталях: «А как много раз я ее имел...» — «Да ты все врешь!» — «Не веришь, посмотри, он весь красный» (демонстрирует половой орган как знак своего социального осуществления. Орган был действительно необычного цвета) — «Да ты его кирпичом натер!»

Далее следует ритуальный поединок, т.е. оппоненты мерются силами понарошку. И это не анекдот, а реальный случай. Главным в этой истории является не любовница и не сам любовник, а его орган как символ экспансии. В экстремальных группах фаллический архетип часто организует повседневную активность, и его знаковость приобретает крайне острые формы. В среде военных, заключенных и маргиналов широко распространены пирсинг, скарификация и искусственная трансформация полового члена подкожными инъекциями вазелина. На медкомиссиях и в солдатских банях в качестве таких инородных тел доводилось наблюдать шарики от подшипника, зерна кукурузы, пластиковые вставки, колесики от детских машинок, протертые под уздечкой полового члена, просто чудовищные рубцы, оставшиеся от разрезов головки члена на части (это называется «сделать розочку») и пр. По рассказам очевидцев и по публикациям в прессе, особо тонкие ценители пытаются вживлять в головку члена уши, вырванные у мышей, свято веря, что это возможно¹⁹. Кстати, именно слово «уши», согласно словарю жаргонных слов и выражений, обозначает «инородное тело, вшитое в половой орган».

Манипуляция с половыми членами есть не что иное, как бессознательная демонстрация своего статуса — социальной потенции. Хотя каждый из обладателей столь чудесно украшенного органа подведет рациональную основу под свои действия и скажет, что он сделал это в ожидании освобождения (демобилизации), потому что его ждут массы женщин, которых он собирается таким виртуозным образом удовлетворить. Насколько мне известно, все эти приспособления на свободе (на гражданке), как правило, удаляются, поскольку делают половой акт невозможным. Такого рода усилия, направленные на демонстрацию социально-половой потенции, часто приводят к противоположным результатам. Кустарные хирургические вмешательства в условиях антисанитарии чаще приводят к заражениям крови, импотенции и даже ампутации пениса. Но эти факты, однако, никак не влияют на популярность подобных имплантаций, поскольку в основе этой практики лежат бессознательные структуры психики, искаженные условиями жизни в заключении и вынужденным многолетним целибатом.

В статусных системах тема любви подчинена идее реализации власти. Сама любовь выступает как символ экспансии. В армии у солдат больше возможности завести

настоящий роман. Но в любовных романах сам факт любви уходил на второй план, уступая место факту статуса. Подруга одного солдата как бы становится достоянием всего коллектива. она ценна не сама по себе, а той знаковой аурой, которая исходит от нее и облачает военного любовника социальным престижем в глазах коллектива, от имени которого он ее и любит.

Изначально деструктивная в своей основе смертоносная военная функция, помноженная на статусное доминантное насилие, в стереотипном знаковом восприятии делает его субъекта сексуально притягательным, поскольку функция разрушения доводит до апофеоза потенциал экспансии. Эрос представляет собой апофеоз экспансии утверждения и созидания. «Заложенные в военной эстетике танатические радикалы переосмысляются как эротические, тема военной смерти – безнаказанно причиняемой и безвинно принимаемой – делается в моде нестрашной. (Шантанный куплет: «А я люблю военных, красивых, здоровенных...» предельно ясно выражает эту трансформацию Танатоса в Эрос.)»²⁰.

Фольклор и «искусства»

Дембель – это категория, включающая в себя и социальный статус, и состояние сознания, и систему ценностей, и этико-эстетическую парадигму. Идея дембеля аккумулирует комплекс стереотипов и установок и коллективные работы по созданию альбомов, направленные на должное оформление перехода старослужащего в «мир иной», представляет собой целую индустрию по материализации архетипов в эстетических формах. «Эстетические формы» – это атрибуты, без которых полноценный дембель не мыслит своей демобилизации. В их производстве руководствуются образцами, изготовленными предыдущими поколениями дембелей, но приветствуется любая инновация. Соответственно эстетическое оформление акта демобилизации – и простор для фантазии, и форма самовыражения личности, и средство бессознательного протеста против армейской унификации.

Все предметное окружение, как и все формы самовыражения, в этот период приобретают новое звучание – они получают характеристику «дембельских»: «дембельский альбом», «дембельская парадка», «дембельская шапка», «дембельский чемодан», «дембельский [денежный] перевод», «дембельские часы», «дембельский поезд», «дембельская песня» и т.д.

Чем полнее перечень атрибутов, тем «круче» дембель. Основной атрибут – это, конечно, «парадка» («дембельский камуфляж» – у праздничного облачения много названий). Любопытно, что без некоторых ключевых атрибутов дембель теряет свое лицо. К ним в некоторых частях относят наручные часы, особенно в те времена, когда часы служили знаком престижа и своего рода инициации подростков. Часы отбирались у духов (им же нельзя думать про время) и отдавались дембелям. Здесь я привожу обобщенные данные, которые, впрочем, отражают общую тенденцию, поскольку для реализации престижа в данном случае неважно как – силой или хитростью – завладеть часами. Важно, чтобы это были именно «духовские часы». У меня самого часы не отбирали, но однажды ночью меня разбудил какой-то неизвестный мне дембель из другого подразделения и долго уговаривал сначала отдать, а потом даже продать ему мои ничем не примечательные часы, апеллируя именно к престижной стороне проблемы. Отказ вызвал искреннее горькое восклицание: «Ну как же мне на дембель без часов!»

Считалось стильным идти на дембель не с чемоданом, а с дипломатом. В дипломате должен лежать «дембельский альбом». Последний представляет собой материализацию всех доминантных отношений в форме летописи, иллюстрированной комиксами и фотографиями. Классический альбом изготавливается вручную от страниц до винтов, которыми они сшиваются. Технология подчинена смысловому значению его структурных компонентов. Из плотного картона вырезаются 24 листа по числу месяцев жизни, потраченных на армию. Они покрываются черной тушью в знак

траура – дембель оплакивает это безрадостное время. Листы покрываются лаком, на который наносится цветное напыление, наклеиваются аппликации, приделываются металлические виньетки и т.п. В эти виньетки вклеивают фотографии, рядом пишут беззвучные сентиментальные тексты, как правило, переписывая друг у друга набор стандартных и «глубокомысленных» изречений, пошлых рифм и неумных острот. Листы перекладываются кальками с графическими комиксами всех стадий доминантных отношений. Обложку изготавливают из любого материала, который смогут достать. Часто это бархат, который заказывают из дома или покупают в магазинах. Особо выдающиеся «деятели» отрезают куски от сценического занавеса в клубе. Популярны в силу своего смыслового значения обложки из шинельного сукна или камуфлированной ткани. Все это скрепляется специально изготовленными винтами.

«Дембельские альбомы» и «парадки» порождают микроиндустрию со своими микро-экономикой, обменными и товарно-денежными отношениями и сферой услуг, охватывающую несколько воинских частей. Например, в Кишиневе десантный полк славился изготовлением прекрасных аксельбантов, которые десантники первого года службы вяжут из парашютных строп, а второго года службы продают в части других родов войск. Связисты могли выменять у них аксельбант на антенну-«куликовку». Стройбатовцы поставляли на «всеармейский» теневой рынок машинки для татуировок и насадки для половых членов – так называемые штурвалы.

Личности, в силу своих способностей или обстоятельств занимающие определенную нишу в этой индустрии (художники, которые выполняют рисунки, слесари, изготавливающие на станках виньетки и закрутки, каптерщики и кладовщики, поставляющие необходимое), имеют шанс *de facto* повысить собственный статус и/или материальное благополучие. Дембель же за все это готов платить немалые деньги. Например, готовый альбом у мастеров в известных нам частях стоил в советское время от 50 до 200 руб. Неквалифицированная работа, к примеру тушевание и лакировка листов, возлагается на молодых, которые бесплатно, но не без удовольствия приобщаются к оформлению чужой демобилизации, поскольку приобретают навыки и впечатления, которые им самим пригодятся через год.

По словам матроса Андреева, человека, обладающего незаурядными художественными способностями, до перехода в привилегированный статус «полтарахи» он разрисовывал альбомы сначала бесплатно, а затем брал платные заказы – 50 руб. за готовый альбом.

Индустрия дембельских альбомов для индивида – это социализация и аккультурация в общей системе ценностей посредством знаково-эстетических категорий, для социума – часть механизма диахронной ретрансляции социально-значимой информации²¹, посредством которого неформальная система воспроизводит себя внутри формальной на протяжении около 40 лет.

За 40 лет существования дедовщины сложились определенные каноны «художественного творчества», воплощенные в «дембельских альбомах». Язык такого творчества – сентиментальный кич, его техника – шаблон, его эстетика – вульгарный блеск. Но его смысл – «память», и в этом плане альбом – знаковая вещь и овеществленный знак, направленный на аккумуляцию общественных ресурсов вокруг моделирования памяти. Изготовление «дембельского альбома» влечет за собой повседневную активность целого подразделения. Коллективное изготовление альбомов как модулей индивидуальной памяти свидетельствует о начале восстановления индивидуальности вопреки монотонной диффузии «личного состава», «построения», «порядка рядовых».

«Дембельский альбом» – это в первую очередь институт апологии армии как системы посредством неуставных знаковых систем. Люди не могут мириться с мыслью, которую сами высказывают: «Два года жизни – псу под хвост», и формируют отношение к армии как к инициации, своего рода антимиру, посвящение в который наделяет их истинным «трудным» знанием о жизни, оппозиционным ложному «легкому». И 20-летние юноши с глубокомыслием умудренных временем старцев выводят в своих

альбомах сентенции про правду жизни, некую данную им в посвящении страданием мудрость.

Ни понятие «патриотический долг», ни пресловутая «почетная обязанность» не составляют предмета апологии образа жизни вследствие того цинизма, который рождает указанное выше несоответствие декларативных уставных принципов и реального армейского беспредела. Апология жизни проходит в архетипических областях мировосприятия с разграничением «правильного», но ложного бытия, «неправильного», но истинного инобытия. Не тривиальность армейского быта и службы, не постоянные унижения, а общий метафизический контекст – вот главный пункт апологии образа жизни солдата, проникающий в сознание каждого, наполняющий его мессианской идеей. Дембельский фольклор буквально насыщен патетическими изысками на мессианскую тему типа: «Чтоб кто-то мог сейчас держать в руках цветы, мы взяли в руки автоматы».

Переживание собственной миссии наполняет душу дембеля метафизическим плачем. Солдат в своем мессианстве остается в пограничном состоянии: по ту сторону рубежей – внешние враги, по эту – недружелюбные «шакалы»-офицеры, «шлюхи» и «закосившие от армии козлы». Эту печаль нейтрализует описанный выше трикстерский комплекс. Апология образа жизни посредством эксплуатации архетипов жизненных сил составляет квинтэссенцию армейского фольклора.

Как кульминация целого жизненного этапа идея дембеля аккумулирует весь жизненный потенциал данных сообществ точно так же, как традиционное общество консолидировано идеей загробного мира, оформляемой в инверсии бытия и инобытия.

Для добросовестной уставной службы в армии у рядовых срочников стимулов нет. Единственным стимулом является все, что связано с дембелем. Командование воинских частей эксплуатирует главную ценность дедовщины с особенным цинизмом, раздавая «дембельские аккорды» – разнарядки на глобальные в масштабах части работы. Суть «аккорда» проста: пока не сделаете, не уволитесь. Трудно сказать, какой процент в бюджете армии покрывают эти работы, но каждые полгода бесплатно возводятся новые и ремонтируются старые постройки. Разумеется, такая практика противозаконна, но командир части может любой приехавшей с проверкой комиссии сказать то, что приходилось неоднократно слышать автору данной работы: «А их никто не заставляет. Просто солдаты, уходя, счастливы сделать этот подарок родной части, где они провели столько прекрасных минут». В результате воинские части получают новые казармы (автомобильные боксы, заборы, коровники, свинарники и пр.), дедовщина – официальную санкцию, а общество – дедовщину как стратегию выживания.

Армейский фольклор представляет собой защитно-адаптивную реакцию, выраженную в ироничной саморефлексии армейского сознания там, где вчерашние военные, интегрируясь в гражданское общество, сталкиваются с проблемой адаптации. И здесь фольклор вновь становится веселым. Армейская среда еще раз демонстрирует жизнеспособность, подшучивая сама над собой везде, где военные сталкиваются с проблемой интеграции в гражданское общество. Юмор спасает человека от гнетущего осознания своего вчерашнего положения. Самоирония на тему армии – отдушина и для гражданского милитаризованного сознания. И на этой самоиронии армейский фольклор становится общественным достоянием и составляет целый пласт национальной смеховой культуры в рассказах, байках, анекдотах под названием «армейский марам».

В заключение сделаем некоторые выводы. Л.С. Клейн делает абсолютно точные, на мой взгляд, выводы относительно ревитализации в обществах заключенных неких архаических протокультурных форм. Действительно, символы и нормы доминантных отношений в большинстве своем архетипичны. Однако это не повод ставить знак равенства между понятиями «примитивный» и «архаический». Социальные отношения на зоне и в армии не примитивны. Причудливые отношения и формы самовыражения в экстремальных группах как в статусных системах организованного насилия являют

собой следствие естественной адаптационной функции архетипических структур сознания, реализованной в неестественных условиях механической консолидации²².

Изначальная ситуация культурного вакуума преодолевается именно благодаря этим реактуализованным архаическим нормам, и в ритуализации насилия мы видим момент динамики культурогенеза. Мы наблюдаем, как на основе архетипов мировосприятия формируется своеобразное мировоззрение со своей апологией образа жизни, оригинальным кодексом чести, фольклором, художественной традицией. Мы также видим, как эти статусные нормы экстремальных групп оказались востребованы всем гражданским обществом. Так, жанры «блатного фольклора» и «армейского маразма» стали органической частью общенациональной культуры русских второй половины XX в., конституируя вызревший внутри тоталитарного общества конфликт двух правовых систем: официальной и народной правды.

Примечания

¹ Самойлов Л. Этнография лагеря // Этнограф. обозрение. 1990. № 1; Глинский Я.И. Субкультура за решеткой // Сов. этнография (далее – СЭ). 1990. № 1; Кабо В.Р. Структура лагеря и архетипы сознания // СЭ. 1990. № 1.

² Баников К.Л. Антропология экстремальных групп. Постановка проблемы // III Конгресс российских антропологов (тезисы). М., 1999.

³ Cloward R.G. Theoretical Studies in Social Organization of the Prison. N.Y., 1960; Yochelson S., Samenov S. The Criminal Personality. V.1-2. N.Y., 1984.

⁴ Briedis C. Marginal Deviants // Social Problems. 1975. № 22. P. 480-493.

⁵ Sholnich J.H. The Politics of Protest. N.Y., 1969.

⁶ Vachten C.C. van. The Tolerance Quotient as a Device for Defining Certain Social Concepts // Amer. J. Sociol. 1940. № 46. P. 35-44; Blau P.M. A Theory of Social Integration // Amer. J. Sociol. 1960. № 65. P. 545-565; Sociology of Deviant Behavior. 3rd ed. N.Y., 1967; Sutherland E.H., Cressey D.R. Principles of Criminology. 7th ed. Lippincott, 1966; Dominance Relations: An Ethological View of Human Conflict and Social Integration. N.Y.; L., 1991.

⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 242.

⁸ Бродский И.А. О тирании // Сочинения Иосифа Бродского. Т.5. СПб., 1999. Метафизическая картинка тоталитарного общества И. Бродского весьма удачно ложится на предмет нашего исследования.

⁹ Так, к примеру, аналогичным образом в некоторых архаических культурах демонстрировалась ритуальная смерть. Например, «хранителю траура в древней Японии», по данным китайской хроники Вэйчжи (III в. н. э.), предписывалось не мыть тело, не стирать одежду, не обрезать ногти и волосы и не давить вшей.

¹⁰ В нашей учебной части сержанты даже инструктировали солдат: «Если дежурный или внутренний патруль остановит, нужно назвать чужую фамилию, чужую роту и имя другого начальника».

¹¹ Фуко М. Указ. раб. С. 226.

¹² Там же. С. 212.

¹³ Там же. С. 213.

¹⁴ Примером технологии жизнеобеспечения в постиндустриальных обществах «равных возможностей» (и, очевидно, потребностей) может служить «триумфальное шествие» ресторанов «Макдональдс» и им подобных систем «фаст-фуд».

¹⁵ На Тихоокеанском флоте переводят по-другому. «Борзому карасю» «отбивают чешую» одним ударом табурета. После этого он, прослуживший половину срока (полтора года) становится «полтараксой».

¹⁶ Яковлев В. На контракт через контакт // Новая Камчатская Правда. № 1999.

¹⁷ Терентьев Д. Гарем цвета хаки // Вне закона. 2000. № 21 (124). С. 3.

¹⁸ Левинсон А. Об эстетике насилия. Армия и общество в СССР/России за последние 10 лет // Неприкосновенный запас. 1999. № 2. См. также виртуальную версию публикации www.russ.ru:8080/antolog/vek/1990/11/voina.htm.

¹⁹ Кардинале С. Территория абсурда // Вне закона. 2000. № 21(124). С. 12.

²⁰ Левинсон А. Указ. раб.

²¹ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

²² Проблемы возрождения архаического сознания в экстремальных жизненных ситуациях и в закрытых культурных средах // Пространство и время в архаических культурах (матер. коллоквиума). М., 1992.

K. L. B a n n i k o v. Anthropology of extreme groups. Relations of dominance among the enlisted personnel of the Russian Army

The article examines the relations of dominance in the Soviet and modern Russian Army as an anthropological phenomenon. The author evaluates the Russian (Soviet) Army since 1960s from the point of view of the system of two levels of organized violence – official and non-official, complementing each other. The main focus of this anthropological approach lies in the semiotic representation of violence, i.e. in the signs and symbols of the relations of dominance as well as in the ritual equivalents of aggression and their social functions. All the spheres pertinent to the survival system such as clothes, food, living space and styles of behavior are transformed to mark and fix social statuses. The author demonstrates vivid correlation between the signs and symbols of social hierarchy present in the peripheral army groups and those in the archaic cultures. It stands to reason to conclude that the need to transform human relationships through the suppression of systematic violence in the peripheral groups brings to the fore again the archetypes of culture and human consciousness as the only basis for social consolidation.